

ОБЗОРЫ / OVERVIEWS

КОНФИГУРАЦИОННЫЙ ПАДЕЖ
В ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ*

© 2017

Екатерина Анатольевна Лютикова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация;
lyutikova2008@gmail.com

В статье анализируются падежные теории, базирующиеся на конфигурационном подходе А. Марантца. Основная идея конфигурационного подхода состоит в приписывании структурных падежей именным группам в зависимости от наличия других аргументных именных групп — «падежных конкурентов» — в общей локальной области. В семействе конфигурационных моделей наиболее разработанной в настоящее время является параметрическая модель М. Бейкера, представленная в серии статей и монографии 2015 г. «Case: Its Principles and Parameters». Правило приписывания структурного падежа параметризуется в отношении условий с-командования, локальных областей, категориального статуса получателя падежа и падежного конкурента. Наиболее серьезные проблемы конфигурационной теории — тайминг приписывания падежа и мотивация передвижений, оказывающих влияние на выбор падежной граммемы.

Ключевые слова: зависимый падеж, конфигурационная теория падежа, лингвистическая типология, немаркированный падеж, параметрические модели, согласование, структурный падеж, теория падежа, формальный синтаксис

CONFIGURATIONAL CASE IN A PARAMETRIC MODEL

Ekaterina A. Lyutikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation; lyutikova2008@gmail.com

The paper presents an overview of the current theories of case based on the Marantzian configurational model. The crucial idea behind the configurational approach is that structural case is assigned to DPs depending on the presence of other argumental noun phrases — case competitors — in the local domain. The most elaborated model of the configurational family is Mark Baker's parametric model represented in a series of papers and in the recent monograph «Case: Its Principles and Parameters» (2015). Structural case assignment rule is parametrized with respect to the c-command relation type, local domains relevant to case assignment, and the syntactic category of the case receiver and case competitor. The most serious problems

* Поводом к написанию данного обзора послужила публикация монографии Марка Бейкера: *Baker M. C. Case: Its Principles and Parameters*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p. (Cambridge Studies in Linguistics, 146.) ISBN: 978-1-10769-009-7. Выражаю глубокую признательность редакции журнала «Вопросы языкознания» за возможность ознакомиться с полным текстом монографии и представить ее отечественному читателю, а также анонимным рецензентам за вдумчивое и содержательное обсуждение моей работы. Обзор написан в рамках проекта РНФ № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

faced by the configurational theory are the timing of case assignment and the motivation of DP movement that feeds the case assignment process.

Keywords: agreement, case theory, configurational case theory, dependent case, linguistic typology, parametric models, structural case, syntactic theory, unmarked case

1. Падеж в современном формальном синтаксисе

Падежная проблематика имеет богатую историю формального моделирования. Достаточно сказать, что среди первых приложений структуралистской методологии к морфосинтаксическим явлениям мы находим репрезентацию русских падежных граммем в модели дифференциальных признаков Р. О. Якобсона [1936/1985]. В современном грамматическом теоретизировании представлено множество подходов к анализу категории падежа; подробные обзоры можно найти в [Butt 2006] и [Malchukov, Spencer (eds.) 2008].

Падежная теория, развивавшаяся в рамках генеративного синтаксиса, сосредоточивалась на падеже как формальном синтаксическом признаке именных групп, имеющем лишь опосредованное отношение к его выражению соответствующей морфологической категорией¹. В круг явлений, подвергающихся формальному моделированию, включались механизмы падежного маркирования, или приписывания падежа, вопросы соотношения морфологического и синтаксического падежа, исследовавшиеся в первую очередь на материале таких феноменов, как *quirky*-подлежащие² и эргативность, проблемы классификации падежей (структурные vs. лексически управляемые).

Современный этап развития генеративной теории падежа представлен минималистской моделью, основные положения которой намечены в [Chomsky 2000; 2001]. В этой модели падеж рассматривается как неозначенный и неинтерпретируемый признак именной группы, который должен получить значение в процессе деривации, иначе деривация «не сойдется» и соответствующее предложение окажется неграмматичным. Означивание падежного признака именной группы происходит в процессе согласования некоторой вершины F с именной группой по ф-признакам (лицу, числу, возможно, роду / согласовательному классу). Приписывание падежа, таким образом, является следствием согласования вершины с именной группой, что отражается в наименовании модели — **приписывание падежа при согласовании** (case assignment under AGREE). Вершины — источники падежа делятся на лексические, которые вступают в падежное взаимодействие с собственными дополнениями и приписывают им ингерентный падеж, и функциональные, которые приписывают структурный падеж ближайшей именной группе, доступной в их области с-командования.

В последнее десятилетие в рамках формального синтаксиса бурно развивается так называемый **конфигурационный подход** к падежу, составляющий конкуренцию минималистской модели падежа Н. Хомского. Этот подход опирается на морфологическую падежную теорию А. Марантца, предложенную в статье [Marantz 1991]. Особую популярность конфигурационный подход приобрел в результате исследований Марка Бейкера, который разработал параметрическую модель конфигурационного падежа, учитывающую типологическое разнообразие падежных систем языков мира.

¹ В этой связи существенный интерес представляют случаи сосуществования в пределах одного языка показателей морфологического падежа, оформляющих словоформы, и показателей синтаксического падежа, оформляющих синтаксические группы (см. недавнее обсуждение в [Беляев 2014]).

² **Quirky subject** (букв. ‘странное подлежащее’) — синтаксический феномен исландского и, предположительно, ряда других языков, где аргумент в лексически управляемом падеже (*quirky case*) может занимать структурную позицию подлежащего, в обычных случаях связанную с номинативным падежным маркированием, и обладать всеми следующими из этой позиции синтаксическими свойствами. Более распространенный термин «неноминативное (неканоническое) подлежащее» является гиперонимом по отношению к феномену *quirky subject*, поскольку не предполагает тождества структурной позиции канонического и неканонического подлежащего.

Вышедшая в 2015 г. монография Бейкера [Baker 2015], которая будет в центре обсуждения в данной статье, подводит итог исследованиям падежной проблематики, осуществлявшимся автором на протяжении как минимум пяти лет и представленным целой серией статей [Baker 2009; 2012; 2013; 2014; 2017; Baker, Vinokurova 2010; Baker, Kramer 2014; Baker, Bobaljik 2017]. Исследовательская программа Бейкера, его интерес к конфигурационной модели падежа, несомненно, мотивированы его прежними работами — формально-типологическими исследованиями согласования [Baker 2008a] и инкорпорации [Baker 1988]. В монографии, посвященной согласованию, Бейкер приходит к выводу, что взаимосвязь структурного падежа и согласования характерна лишь для части языков, и вводит параметр CDAP (Case Dependency of Agreement Parameter), способный принимать значения «да/нет»:

(1) Параметр CDAP [Baker 2008a: 155]

Функциональная вершина F согласуется с DP/NP, только если F означает падежный признак этой DP/NP, или наоборот, F означает падежный признак DP/NP, только если F согласуется с этой DP/NP³.

Например, в якутском языке предикативное и посессивное согласование находятся в одно-однозначном соответствии с приписыванием номинатива подлежащему и генитива посессору соответственно: параметр CDAP для данных конфигураций принимает значение «да» [Baker, Vinokurova 2010]. Амхарский язык может служить примером отрицательного значения параметра CDAP для объектного согласования и приписывания аккузатива дополнению: наряду с аккузативными дополнениями, контролирующими объектное согласование, возможно отсутствие объектного согласования с аккузативным объектом и объектное согласование с не-аккузативным (дативным или предложным) дополнением [Baker 2012].

Легко видеть, что опция «CDAP: да» соответствует модели приписывания структурного падежа при согласовании; возникает вопрос, каковы механизмы приписывания падежа в системах со значением параметра «CDAP: нет». Бейкер полагает, что решением является конфигурационная модель приписывания падежа А. Марантца, которая, однако, нуждается в дальнейшем уточнении: необходимо выявить ее взаимодействие с прочими морфосинтаксическими механизмами, задействованными в ходе синтаксической деривации и озвучивания предложения, определить универсальные и вариативные характеристики модели, представить межязыковое варьирование в проблемной области в рамках параметрической системы.

Второй источник падежной проблематики в научных изысканиях Бейкера — это его работы по инкорпорации. В диссертации и последовавшей за ней монографии [Baker 1988] аргументируется структурная модель инкорпорации как передвижения вершин; в частности, инкорпорация объекта понимается как передвижение содержимого вершины N в V. Естественным следствием этой модели является фиксированная линейная позиция, неспособность выступать контролером референциально связанных выражений, невозможность ветвления и отсутствие падежа у инкорпорированного объекта. В начале 2000-х гг. внимание исследователей привлек особый тип конструкций с беспадежным дополнением, которое демонстрирует синтаксическую «дефектность» в отношении линейной позиции и контроля, однако допускает ветвление; такие дополнения получили название псевдоинкорпорированных [Massam 2001; 2009]. Псевдоинкорпорация не могла быть адекватно представлена как передвижение вершин (ср., однако, [Baker 2009], где предпринимается такая попытка), поэтому возникла потребность в новой модели, связывающей фиксированную линейную позицию дополнения, его синтаксическую дефектность и отсутствие падежного показателя, характерного для обычных дополнений.

Конечно, исследования, связанные с применением конфигурационной модели к материалу разноструктурных языков, велись и раньше. Так, в диссертации [McFadden 2004] анализ в рамках подхода Марантца получает материал ряда германских и финно-угорских языков;

³ Здесь и далее перевод наш.

следует также отметить статью [Bittner, Hale 1996], в которой механизмы конфигурационной модели используются для анализа таких эргативных языков, как дирбал, западно-гренландский инуит, самоанский. Однако именно в работах Бейкера ставится задача построить параметрическую модель конфигурационного падежа для открытого класса языков. В [Baker 2015] предпринимается попытка углубленного изучения падежной проблематики на сравнительно небольшой, но сбалансированной выборке языков, представляющих различные системы морфосинтаксического кодирования ядерных аргументов (2).

(2) Языковая выборка [Baker 2015: 10]

- a. Аккузативные языки: якутский, тамильский, амхарский, кусканский кечуа, корейский, финский
- b. Эргативные языки: шипибо, бурушаски, чукотский, лезгинский, ингушский, гренландский; также, менее подробно, кева (Новая Гвинея) и вардаман (Австралия)
- c. Трехчастные языки: не-персе, прибрежный цимшианский, семелай, диари, вальпири⁴
- d. Языки с маркированным номинативом: чокто, оромо, туканг-беси, марикоп, мохава; также, возможно, корейский
- e. Язык с маркированным абсолютивом: ниасский

Такая постановка задачи для Бейкера неслучайна. В серии монографий [Baker 1988; 1996; 2001; 2005; 2008a] на материале различных языковых явлений и различных языковых выборок формируется, развивается и оттачивается методология формальной генеративной типологии (Formal generative typology), основные идеи которой наиболее четко сформулированы в [Baker 2010]. Важнейшей характеристикой этого подхода является сочетание формально-теоретического взгляда на язык с типологической перспективой.

В настоящее время о дистрибуции грамматических признаков «первого уровня» в языках мира известно довольно много (см., например, базу данных WALS [Dryer, Haspelmath (eds.) 2013]); можно считать, что основные «лежащие на поверхности» типологические обобщения над этим материалом уже получены. Новое направление исследований, предлагаемое Бейкером, состоит в том, чтобы подвергнуть межъязыковому сравнению не исходные языковые данные по возможности максимального числа языков, а результаты анализа языковых данных в рамках некоторой формальной системы для небольшого числа языков. Такая методология в статье [Baker, McCloskey 2007] получила название «Срединного пути» (The Middle Way), поскольку предполагает среднюю глубину проработки материала для среднего числа языков выборки. Использование формального моделирования при сопоставительном изучении языковых данных генетически несвязанных разноструктурных языков позволяет достичь адекватного уровня анализа материала и типологической достоверности достигаемых обобщений, что в конечном итоге способствует существенному приращению наших знаний о языковых универсалиях и моделях межъязыкового варьирования.

Моделирование падежной проблематики может также рассматриваться сквозь призму дискуссии об архитектуре параметрических систем. В заглавии монографии [Baker 2015] присутствует отсылка к генеративной модели Принципов и Параметров (Principles and Parameters framework, см. энциклопедическую статью [Pesetsky 2003]), которая предполагает два класса ограничений на языковую структуру: универсальные ограничения (принципы), характеризующие универсальную грамматику и воспроизводящиеся во всех естественных языках, и параметры, способные принимать различные значения в разных языках

⁴ Бейкер достаточно подробно обосновывает решение относить к трехчастным языки типа вальпири, в которых соответствующая морфологическая оппозиция падежных форм представлена лишь у подкласса именных групп (например, у некоторых местоимений). Итоговый критерий выглядит следующим образом: «Если какие-либо единицы в языке демонстрируют трехчастную падежную оппозицию, либо если в языке имеются и эргативная, и аккузативная подпарадигмы, то язык относится к трехчастным» [Baker 2015: 25].

и регулирующие межъязыковое разнообразие. Исследовательская программа формальной лингвистики и лингвистической типологии последних десятилетий неизменно включает вопрос об организации системы параметров: существуют ли макропараметры, задающие тип языка, его «структурную сущность», или же различия между языками описываются совокупностью микропараметров. Во введении к своей книге «Параметр полисинтеза» Бейкер пишет: «А priori может быть две крайних точки зрения на поверхностные различия между языками. С одной стороны, возможно, что, скажем, язык могавак отличается от такого языка, как английский, во многих второстепенных аспектах, и лишь кумулятивный эффект этих незначительных отличий делает могавак столь структурно чуждым для носителя английского языка. С другой стороны, можно сказать, что могавак отличается от английского в одном существенном аспекте, но это отличие так глубоко укоренено в грамматической системе, что затрагивает все виды языковых структур» [Baker 1996: 3].

Макропараметрические системы предполагают иерархические классификации языков, построенные при помощи параметров разного уровня значимости: самые важные параметры определяют первичное разбиение, дальнейшие параметры выделяют подклассы внутри больших классов. Примером подобной системы может служить параметрическая иерархия самого Бейкера, в основании которой находится параметр полисинтеза [Baker 2001: 183]. Существенно, что вторичные параметры, предопределяющие дальнейшую кластеризацию, различны для разных классов. Так, например, среди полисинтетических языков выделяется два подкласса на основании уподобления прилагательных глаголам либо именам, в то время как не-полисинтетические языки далее образуют подклассы на основании параметра вершины и факультативного полисинтетизма.

Напротив, микропараметрические классификации легко совместимы с параметрами одного уровня значимости, которые могут быть применены для классификации некоторого языка вне зависимости от значения другого параметра [Kayne 2000; Longobardi 2005; Roberts, Holmberg 2010]. Например, передвижение лексического глагола в предикативную вершину и наличие подлежащно-сказуемостной инверсии в вопросительном предложении являются двумя микропараметрами, которые принимают значения независимо друг от друга. Поэтому, несмотря на то что по первому параметру английский язык принимает отрицательное, а французский язык — положительное значение, мы можем охарактеризовать оба эти языка как имеющие инверсию в вопросительном предложении. Добавляя новый микропараметр — вторую позицию финитного глагола в независимом предложении, — мы получаем отличие французского языка от немецкого и т. п. Таким образом, совокупность микропараметров в конечном итоге способна представить типологическую уникальность каждого конкретного языка.

Макро- и микропараметрические подходы обладают своими достоинствами и недостатками. Макропараметрические классификации ставят слишком амбициозную задачу — построить иерархически организованную систему языковых типов. С неизбежностью обнаруживается, что такая система эмпирически неадекватна: некоторые языки проявляют смешанные свойства и должны быть отнесены к разным таксонам одновременно. С другой стороны, кластеризация свойств языков действительно существует и значительно ограничивает межъязыковое варьирование. Микропараметрические классификации способны обнаружить корреляции между параметрами, однако такие корреляции не воплощаются самой архитектурой параметрической системы. Кроме того, микропараметры в значительно меньшей степени, чем макропараметры, отвечают исходной задаче параметризации — ограничить межъязыковое варьирование за счет кластеризации эффектов одного феномена в разных областях грамматики [Baker 2008b]. Таким образом, задача оптимальной организации системы параметров на сегодняшний день не решена, и построение параметрической модели варьирования для синтаксической категории падежа может рассматриваться как испытательный полигон для архитектурных опций параметрических систем.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 2 охарактеризована падежная теория А. Марантца, показаны основные направления ее развития. Раздел 3

посвящен разработке параметрической модели на основе конфигурационной теории падежа и опирается в основном на концепцию М. Бейкера, изложенную в серии статей и монографии [Baker 2015]. В разделе 4 дается общая оценка конфигурационной модели, обсуждаются ее достоинства и недостатки.

2. Конфигурационная модель А. Марантца

Семейство конфигурационных подходов к падежу может быть условно выделено на основе общей идеи, что основные падежи клаузы — номинатив, аккузатив и эргатив — не «распределяются» между функциональными вершинами, которые затем приписывают эти падежи именным группам, вступающим с ними в синтаксическое взаимодействие, а приписываются напрямую аргументным именным группам на основании их структурного соотношения друг с другом. Ранними воплощениями этой идеи можно считать подходы, использующие иерархии падежей для распределения их внутри клаузы (ср. парадигматический падеж в [Comrie 1976], а также использование иерархий внутри некоторых падежных ярусов (*tiers*) в [Yip et al. 1987]). В рамках конфигурационных теорий возможен единый подход к аккузативной и эргативной системам падежного маркирования как к симметричным феноменам: и аккузатив, и эргатив имеют статус некоторого «дополнительного», «зависимого» падежа, который возникает в клаузе тогда, когда одного номинатива для различительного кодирования аргументов недостаточно.

В статье А. Марантца [Marantz 1991] представлена не только наиболее известная, но и, пожалуй, наиболее радикальная конфигурационная теория падежа, максимально противопоставленная падежной теории генеративной грамматики. Основная идея конфигурационной теории состоит в следующем: структурные падежи приписываются именным группам в зависимости от наличия других именных групп («падежных конкурентов») в общей локальной области.

Марантц выделяет четыре типа падежей, образующих дизъюнктивную иерархию реализации падежа:

- лексически управляемый падеж (*lexically governed case*), т. е. падеж, определяемый идиосинкратичными свойствами конкретных лексических единиц — таких, например, как исландские глаголы, приписывающие *quirky*-падеж, или предлоги / послелоги;
- зависимый падеж (*dependent case*) — аккузатив или эргатив, т. е. падеж, приписывание которого с точки зрения данной теории «зависит» от присутствия в клаузе другой беспадежной именной группы;
- немаркированный падеж (*unmarked case*), т. е. падеж, приписываемый любой именной группе в некоторой структурной области, например, номинатив внутри клаузы или генитив внутри NP/DP;
- дефолтный падеж (*default case*), т. е. падеж, который именная группа получает по умолчанию.

Данная иерархия определяет порядок, в котором именной группе могут быть приписаны различные типы падежа. Безусловным приоритетом обладает приписывание лексически управляемых падежей (аналогов ингерентного падежа генеративной теории). Далее применяется правило приписывания зависимого падежа: для того, чтобы именная группа получила зависимый падеж, необходимо, чтобы как минимум две беспадежные именные группы принадлежали одной клаузе. Если данное условие выполнено, то именная группа, находящаяся ниже в синтаксической структуре, в аккузативных языках получает зависимый аккузатив, а именная группа, находящаяся выше в синтаксической структуре, в эргативных языках получает зависимый эргатив. Затем наступает очередь применения правила немаркированного падежа: он приписывается любой пока еще беспадежной именной группе, расположенной внутри конкретной синтаксической проекции. И, наконец, если к именной группе не применимо ни одно из предыдущих правил, она получает дефолтный падеж.

Очевидно, что наличие в системе правила дефолтного падежа, то есть падежа, по умолчанию доступного для любой именной группы, несовместимо с представлением о падеже как лицензоре именной группы. В системе Марантца, где падеж возникает в постсинтаксическом компоненте и является исключительно морфологическим феноменом, его влияние на грамматичность предложения и не ожидается (ср.: «...падеж, как и прочие морфологические феномены, интерпретирует синтаксическую структуру, но не ограничивает ее» [Marantz 1991: 248]; см. также развивающую морфологический подход к падежу диссертацию [McFadden 2004]). Однако даже в тех работах, которые включают конфигурационное приписывание падежа в синтаксический компонент (см., например, [Bittner, Hale 1996; Kornfilt, Preminger 2015; Levin, Preminger 2015], а также перечисленные выше труды М. Бейкера), анализ падежа как лицензора именной группы при сохранении правила дефолтного падежа оказывается принципиально неосуществим: если дефолтный падеж доступен любой именной группе, неграмматичность некоторой конфигурации не может быть связана с неспособностью именной группы получить падеж.

Основные направления в развитии конфигурационной модели, представленные в последующей литературе, заключаются в более тщательной проработке падежных областей и параметризации правил приписывания зависимого падежа. С одной стороны, система Марантца допускает и более общую формулировку правил: можно предполагать, что при падежной конкуренции падеж получает не только одна из двух конкурирующих ИГ (верхняя или нижняя), но также возможна ситуация, когда и нижняя, и верхняя ИГ будут маркированы падежом, как это происходит в некоторых языках с трехчастной падежной системой, например в не-персе (ср. [Levin, Preminger 2015]). С другой стороны, в пределах клаузы можно выделять более одной падежной области (например, VP и TP), что позволяет сходным образом анализировать структурный дательный падеж, возникающий в битранзитивных конструкциях. Привлекательной оказывается также идея соотнести области падежной конкуренции с другой, независимо разрабатываемой моделью, в которой деривация предстает состоящей из отдельных структурных «порций», — с теорией фаз [Chomsky 2001]: локальность синтаксических процессов и следующая из этого положения цикличность представляется в ней как ограничение на количество структуры, видимой для синтаксического компонента в текущий момент. Идею, что области падежной конкуренции (VP и TP) соответствуют комплементарам фазовых вершин (*v* и *C*), мы обнаруживаем уже в [McFadden 2004]; в дальнейшем в работах Бейкера к этому списку добавляются другие составляющие, претендующие на статус локальной области, в первую очередь NP/PossP (комплемент фазовой вершины D).

Следует отметить, что, хотя приписывание нелексического падежа в модели Марантца не связано с конкретными функциональными вершинами и абсолютно независимо от операции согласования, тем не менее в работах, развивающих конфигурационную модель, неоднократно отмечалось, что морфологический падеж именных групп может опосредованно влиять на согласовательные характеристики предикативной и прочих функциональных вершин. Подобное влияние выражается в виде падежных ограничений (case discrimination), налагаемых на именную группу — потенциальный контролер предикативного согласования. Так, Дж. Бобалик [Bobaljik 2008] реинтерпретирует известную иерархию контролеров согласования Э. Моравчик [Moravcsik 1974; 1978], сформулированную изначально в терминах синтаксических ролей (grammatical relations), в терминах типов падежа, оформляющего потенциальный контролер согласования:

- (3) немаркированный падеж >> зависимый падеж >> лексический/косвенный падеж

В работах М. Бейкера делается попытка совместить падежные ограничения на согласование с приписыванием структурного падежа при согласовании. Оба явления представляются в виде двух параметров: (i) наличия падежных ограничений на согласование (вершина F согласуется с именной группой без падежа/в падеже X/в любом падеже) и, в случае согласования с беспадежной именной группой, (ii) вершина F приписывает ей

падеж / не приписывает ей падеж. Это остроумное решение, однако, существенно усложняет тайминг (распределение во времени) синтаксических операций; данная особенность модели Бейкера будет подробнее обсуждаться ниже.

Итак, параметрической модели Бейкера предшествовала достаточно серьезная проработка конфигурационной теории, в ходе которой были намечены основные направления ее развития и сделана попытка выявить «врожденные» ограничения. Однако именно в [Baker 2015] от частных приложений этого подхода к материалу конкретных языков и нуждающихся в дополнительных обоснованиях гипотез мы переходим к полноценной и самодостаточной теории, принимающей к рассмотрению все аспекты падежной проблематики достаточно представительной выборки языков (2). Бейкер доказывает, что модель, построенная на конфигурационном подходе к падежу, совместима с современной генеративной синтаксической теорией и может выступать ее компонентом.

3. Принципы и параметры конфигурационного падежа

Своеобразие конфигурационной модели по сравнению с падежной теорией минимализма проявляется в анализе структурного падежа. В отличие от ингерентного (лексически управляемого) падежа, имеющего источником конкретную лексическую вершину и связанного с приписыванием именной группе семантической роли, структурный падеж, по мнению сторонников конфигурационной теории, едва ли допускает обобщение в терминах вершины-источника или грамматической функции. В общем случае структурный падеж не выражает семантическую роль и не связан с конкретным грамматическим отношением / синтаксической ролью (ср., например, номинативные, аккузативные или генитивные подлежащие, аккузативные или немаркированные прямые дополнения и т. п.). Более того, его наличие может зависеть не от свойств самой именной группы и не от свойств какой-либо функциональной вершины, а от наличия и/или свойств другой именной группы, так что структурный падеж реализует, скорее, различительную (*differentiating*), чем индексирующую / характеризующую функцию, в соответствии с дихотомией, предложенной Б. Комри [Comrie 1978; 1981]. Эти характеристики структурного падежа наилучшим образом представимы именно в конфигурационной модели.

Важное содержательное решение связано с локализацией структурного падежа в деривации и соотношением морфологического и синтаксического падежа. В системе Марантца исходной идеей является, безусловно, морфологический характер правил приписывания падежа, подчиняющийся иерархии специфичности (аналогу принципа Панини). Отсюда следует гипотеза о морфологическом характере падежа и, далее, об отказе от абстрактного падежа как лицензора именных групп. Однако не всем исследователям эти положения представляются неизбежно связанными друг с другом. В большинстве современных работ предпринимаются попытки интегрировать наиболее привлекательные идеи конфигурационного подхода — о зависимом и немаркированном / дефолтном падеже — в синтаксические деривационные механизмы генеративной грамматики. Представление о структурном падеже как о синтаксическом феномене обосновывается, в частности, в работах Бейкера. Правила озвучивания, применяемые в морфологическом компоненте, например падежный синкретизм или отличия типов склонения, могут затемнять единство и целостность падежной грамматики, однако такие синтаксические феномены, как сочинение или согласование (*contra* [Bobaljik 2008]), опираются на синтаксический падеж и независимы от морфологического способа выражения падежа (например, от типа склонения).

Первой точкой бифуркации в типологии падежа в [Baker 2015] становится противопоставление падежей, приписываемых при согласовании в рамках традиционной минималистской модели, и падежей, приписываемых конфигурационно. Следует отметить, что гипотеза о сосуществовании в пределах грамматики одного языка двух способов приписывания падежа высказывается еще в работе [Baker, Vinokurova 2010]. Важнейшей диагностикой приписывания падежа при согласовании является одно-однозначное соответствие между

количеством именных групп, получающих некоторый падеж, и количеством функциональных вершин, демонстрирующих согласование с такой именной группой. Так, в якутском языке номинатив подлежащего приписывается при согласовании предикативной вершиной, поскольку недопустимо ни отсутствие согласования, ни многократное согласование с номинативным подлежащим (4).

(4) якутский [Baker, Vinokurova 2010: 637]

a.	En	<i>süüj-büt</i>	<i>e-bik-kin.</i>
	ты	победить-PTCP	AUX-PTCP-2SG
b.	En	<i>süüj-bük-kün</i>	<i>e-bit.</i>
	ты	победить-PTCP-2SG	AUX-PTCP
c.	*En	<i>süüj-büt</i>	<i>e-bit.</i>
	ты	победить-PTCP	AUX-PTCP
d.	*En	<i>süüj-bük-kün</i>	<i>e-bik-kin.</i>
	ты	победить-PTCP-2SG	AUX-PTCP-2SG

‘В результате ты победил’.

Важно отметить, что данный параметр кластеризует падежи конкретных языков, а не сами языки: например, в якутском языке номинатив и генитив, по мнению Бейкера, приписываются при согласовании, в то время как аккузатив и датив — конфигурационно. Соответственно, наличие либо отсутствие в языке падежей, приписываемых при согласовании, не влияет на параметризацию правил конфигурационного приписывания падежей. Здесь можно усмотреть первое отступление от макропараметрической идеологии; как мы увидим ниже, прочие параметры, характеризующие конфигурационное приписывание падежей, также по большей части независимы друг от друга.

В общем виде правило приписывания зависимого падежа может быть сформулировано следующим образом:

(5) Если XP находится в определяемом на основе с-командования отношении Y к ZP в локальной области WP, то припиши падеж V составляющей XP [Baker 2015: 79].

Правило (5) содержит несколько переменных, каждая из которых предопределяет возможный диапазон параметрического варьирования конфигурационной модели. Тип отношения Y задает различные условия на с-командование; тип локальной области WP задает принимаемый к рассмотрению набор составляющих, участвующих в падежной конкуренции; составляющие XP и ZP могут иметь различный категориальный статус, что также оказывает влияние на приписывание зависимого падежа. Ниже эти параметры рассмотрены более подробно.

3.1. Условия, связанные с с-командованием

Зависимый падеж параметризуется в отношении необходимых для его приписывания конфигураций, основанных на с-командовании. Помимо «положительных» условий (именная группа с-командует или с-командуется другой именной группой), которые мы обнаруживаем уже в модели Марантца, в работах Бейкера добавляется группа «отрицательных» условий: именная группа **не** с-командует или **не** с-командуется никакой другой именной группой.

Необходимость в правилах такого рода возникает для описания языков с маркированным номинативом / абсолютивом, в которых специальный показатель оформляет единственный аргумент неэргативов и неаккузативов, а также внешний / внутренний аргумент переходного глагола, в то время как другой аргумент переходного глагола остается немаркированным либо маркируется аккузативом / эргативом. Падежные системы с маркированным номинативом встречаются, например, в языках северо-восточной Африки, ср. (6) из оромо (кушитский / афразийский):

(6) оромо [Baker 2015: 90]

- a. *Sáree-n adii-n ní iyyi-f-i.*
 собака-MNOM белый-MNOM FOC лаять-F-IPF
 ‘Белая собака лает’.
- b. *D’axáa-n maná duubá: b-bu’e.*
 камень-MNOM дом за LOC-падать
 ‘Камень упал за домом’.
- c. *Húrrée-n arká d’olki-t-i.*
 туман-MNOM зрение(ABS) предотвращать-F-IPF
 ‘Туман уменьшает видимость’.

Падежная модель оромо отличается и от эргативной схемы (поскольку все одностепенные глаголы — и неэргативы, и неаккузативы — используют маркированный номинатив), и от аккумулятивной / нейтральной схемы (поскольку падеж подлежащего не является немаркированным). Дело в том, что в языках с немаркированным номинативом номинатив используется не только как падеж подлежащего, но и во всех прочих контекстах, когда условия для приписывания падежа отсутствуют. В частности, к таким контекстам относятся фрагментированные именные группы в роли номинативных предложений, восклицаний / проклятий / ругательств и названий, «зависающие топики» (hanging topics), не повторяющие падеж резюмтивного местоимения / мишени топикизации, именные группы в предикативной позиции. В языках с маркированным номинативом, однако, в таких контекстах используется другая — немаркированная — форма именной группы; в оромо эта форма также используется для дополнения переходного глагола, ср. (7) и (6с):

(7) оромо [Baker 2015: 95]

- Obbolesá xiyya, makiináa-n isá c’apt’e.*
 брат(ABS) мой машина-MNOM его ломаться.F.PST
 ‘Что касается моего брата, его машина сломалась’.

Поскольку номинатив подлежащего не является дефолтной формой, возникающей в ситуации «elsewhere», для приписывания маркированного номинатива необходимо специальное правило. Оно не может быть сформулировано в терминах положительных условий с-командования, как правило для эргатива, поскольку зависимый номинатив приписывается подлежащему как в присутствии, так и в отсутствие нижестоящего падежного конкурента-дополнения. Соответственно, возникает потребность в правилах приписывания падежа в отрицательных условиях с-командования: маркированный номинатив приписывается подлежащему тогда, когда в одной с ним падежной области — ТР — не существует с-командующей беспадежной аргументной именной группы. Аналогичное правило действует и в зеркальной ситуации с маркированным абсолютивом (например, в нияссском языке — одном из суматранских языков малайско-полинезийской ветви австронезийских языков).

3.2. Параметризация падежных областей

Типология локальных областей, релевантных для приписывания зависимого и немаркированного падежа, в работах Бейкера расширяется; разрабатывается гипотеза о том, что локальной областью для приписывания падежа являются составляющие — комплементы фазовых вершин. Приписывание структурного падежа не подчиняется принципу раннего применения правил [Pesetsky 1989], но происходит в момент передачи отрезка синтаксической структуры на интерфейсные уровни. Таким образом, постулируя синтаксический статус падежа, Бейкер в действительности максимально приближает его к морфонологическому компоненту.

Начнем с обсуждения СР-фазы, в которой на озвучивание передается комплемент фазой вершины С — ТР. Эта составляющая в статье Марантца рассматривается как падежная область для приписывания зависимого аккумулятива и эргатива, а также немаркированного номинатива. Бейкер развивает этот анализ, показывая, что зависимый падеж ТР может приписываться в полипредикативных конструкциях при падежной конкуренции подлежащего зависимой клаузы и аргумента главной клаузы в том случае, когда подлежащее зависимой клаузы выдвигается на ее левую периферию, покидая тем самым свою ТР и оказываясь в фазе главной клаузы. В якутском примере (8) маркирование подлежащего зависимой клаузы аккумулятивом возможно в том случае, если оно является непосредственной составляющей собственной клаузы (предположительно, адьюнгируясь к СР), и невозможно, если оно располагается внутри ТР, что видно по позиции наречия.

(8) якутский [Baker 2015: 114—115]

- a. *Min* [ehigi-**ni** sarsyn kel-iex-xit dien] *ihit-ti-m*.
я(НОМ) ты-АСС завтра приходить-FUT-2PL что слышать-PST-1SG
b. *Min* [sarsyn ehigi-(***ni**) kel-iex-xit dien] *ihit-ti-m*.
я(НОМ) завтра ты-(*АСС) приходить-FUT-2PL что слышать-PST-1SG
‘Я слышал, что ты завтра придешь’.

В пользу анализа аккумулятива подлежащего как зависимого падежа говорит тот факт, что для его приписывания необходимым и достаточным условием является наличие падежного конкурента — другой именной группы в главной клаузе; переходности матричного предиката при этом не требуется (9).

(9) якутский [Baker 2015: 114]

- a. *Keskil* [Aisen-y [kel-bet dien]] *xomoj-do*.
Кескиль Айсен-АСС приходить-NEG.AOR.3SG что огорчиться-PST.3SG
‘Кескиль огорчился, что Айсен не придет’.
b. *Bügün munnjax-xa Masha-(*ny)*
сегодня встреча-ДАТ Маша-(*АСС)
[ehiil Moskva-qa bar-ya dien] *cuolkajdan-na*.
следующий год Москва-ДАТ идти-FUT.3SG что становится.очевидным-PST.3SG
‘Сегодня на встрече стало ясно, что Маша в следующем году поедет в Москву’.

Еще один источник взаимовлияния аргументов разных предикатов друг на друга — реструктурирование полипредикативной конструкции в конструкцию со сложным сказуемым. В кусканском кечуа агентивная номинализация может образовывать собственную клаузу, как в примере (10a), или подвергаться реструктурированию, образуя монопредикативную конструкцию с главным предикатом (10b). В полипредикативной конструкции (10a) дополнение зависимой клаузы не может получить аккумулятив, поскольку возможный падежный конкурент, *pro* (‘я’), находится в другой падежной области, в то время как собственное подлежащее зависимой клаузы, PRO⁵, в кусканском кечуа не может выступать падежным конкурентом (подробнее о параметризации падежных конкурентов см. раздел 3.3). При реструктурировании *pro* и прямое дополнение оказываются в одной ТР, в результате чего дополнение получает зависимый аккумулятив.

(10) КУСКАНСКИЙ КЕЧУА [Baker 2015: 119]

- a. [TR *pro* [TR PRO T'anta-(*ta) ruwa-q] hamu-ni].
хлеб-(*АСС) делать-AG приходить-1SG
‘Я пришел печь хлеб’.

⁵ Постулируя в (10a) биклаузальную структуру и PRO в зависимой клаузе, Бейкер опирается на аргументы из [Lefebvre, Muysken 1988].

- b. [TP *pro* T'anta-**ta** ruwa-q ka-rqa-ni].
 хлеб-ACC делать-AG быть-PST-1SG
 ‘Обычно я пек хлеб’.

Заметим, что реструктурирование оказывает аналогичное влияние и на приписывание верхнего зависимого падежа — эргатива. Так, в шишибо инфинитивные конструкции с модальным глаголом образуют монопредикативную конструкцию; термовый аргумент модального глагола получает эргатив, если лексический глагол проецирует дополнение (11a), и немаркированный абсолютив, если лексический глагол не имеет дополнения (11b).

(11) шишибо [Baker 2015: 122]

- a. Jose-**kan-ra** / *Jose-ra Rosa kena-ti atipan-ke.
 Хосе-ERG-PRT Хосе.ABS-PRT Роза звать-INF мочь-PF
 ‘Хосе может позвать Розу’.
- b. Maria-ra / *Maria-**nin-ra** bewa-ti atipan-ke.
 Мария.ABS-PRT Мария-ERG-PRT петь-INF мочь-PF
 ‘Мария может петь’.

Обратимся теперь к фазе легкого глагола *v*, в которой определяются падежи группы лексического глагола. Аргументом в пользу анализа VP как отдельной падежной области Бейкер считает феномен дифференцированного маркирования объекта (DOM). На основании примеров типа (12a—b) из якутского языка, в котором аккузативное и немаркированное дополнения позиционно распределены, он предлагает следующий (предположительно универсальный) анализ DOM: неопределенное дополнение остается в составе VP и не может вступить в падежную конкуренцию с внешним аргументом в следующей фазе, TP, когда приписывается зависимый аккузатив, и поэтому получает немаркированный падеж — номинатив; определенное дополнение должно покинуть VP, чтобы избежать экзистенциального закрытия (existential closure), поэтому в следующей фазе оно оказывается в одной падежной области с подлежащим и получает зависимый аккузатив.

(12) якутский [Baker 2015: 126]

- a. Masha salamaat-*(y)_i [_{VP} *türgennik* t_i sie]-te.
 Маша каша-*(ACC) быстро есть-PST.3SG
 ‘Маша кашу быстро съела’.
- b. Masha [_{VP} *türgennik* salamaat sie]-te.
 Маша быстро каша есть-PST.3SG
 ‘Маша быстро съела кашу’.

Расположение дополнения внутри либо вне фазовой составляющей VP должно оказывать влияние не только на приписывание нижнего зависимого падежа TP — аккузатива, но и верхнего зависимого падежа TP — эргатива. Именно этот феномен, по мнению Бейкера, мы наблюдаем в языке аруако (бинтук, ика) — чибчанском языке Колумбии. Если дополнение неопределенное (13a), то внешний аргумент не получает эргатив; определенное дополнение вызывает эргативное кодирование внешнего аргумента. Связь между линейной позицией дополнения и его определенностью в аруако из (13a—b) не очевидна, однако в пользу данной гипотезы говорит тот факт, что если дополнение линейно предшествует внешнему аргументу (и, следовательно, покидает VP), то эргатив обязателен (13c).

(13) аруако [Baker 2015: 128]

- a. Gsariwieri tigri aʔwasa-na.
 Габриель ягуар преследовать-DPST
 ‘Габриель преследовал (какого-то) ягуара’.

- b. *Tigri-se?* *tšinu* *ka-ga-na.*
 ягуар-ERG свинья PERI-есть-DPST
 ‘Ягуар съел (свою) свинью’.
- c. *Guiadžina* *za-gammi* *peri-*(se?)* *an-a?kuss-i* *guak-aki* *nu?-na.*
 пума GEN-детеныш собака-*(ERG) REF-кусать-когда убивать-PRF AUX-DPAST
 ‘Собака загрызла детеныша пумы (букв. укусив, убила)’.

Наконец, в языке с трехчастной стратегией маркирования аргументов мы можем ожидать зависимости падежного маркирования подлежащего и прямого дополнения от расположения прямого дополнения внутри либо вне VP. Предположительно, это происходит в не-персе (14), где определенность объекта вызывает маркирование верхним и нижним зависимыми падежами TP подлежащего и прямого дополнения соответственно. Впрочем, как отмечает сам Бейкер, порядок слов в (14b) не отличается от порядка слов в (14a), так что мы не имеем никаких свидетельств того, что в не-персе влияние определенности объекта на падежное оформление аргументов опосредовано его выдвижением из VP.

(14) НЕ-ПЕРСЕ [Baker 2015: 129]

- a. *Háama* *hi-‘wi-ye* *wewúkiye.*
 мужчина.NOM 3SU-стрелять-ASP лось.NOM
 ‘Мужчина застрелил (какого-то) лося’.
- b. *Háama-nm* *hi-néec-‘wi-ye* *wewúkiye-ne.*
 мужчина-ERG 3SU-PL.OBJ-стрелять-ASP лось-ACC
 ‘Мужчина застрелил (этих) лосей’.

Будучи отдельной падежной областью, VP не только может препятствовать приписыванию падежей уровня TP, но и обладает собственными конфигурационными падежами. К ним относятся структурный датив — верхний зависимый падеж VP в якутском языке, обликвус — нижний зависимый падеж VP в чаморро и партитив — немаркированный падеж VP в финском языке, на котором мы остановимся подробнее.

Финский партитив в аргументной функции всегда оформляет только внутренние аргументы глагола. При инкрементальных глаголах он варьирует с аккузативом⁶ прямого дополнения и с номинативом в конструкциях без номинативного подлежащего. Фактором-лицензором падежного варьирования выступает квантованность внутреннего аргумента: квантованный аргумент оформляется аккузативом / номинативом и создает предельную (bounded) глагольную группу, см. (15a), (16a), в то время как кумулятивный аргумент оформляется партитивом и создает непредельную (unbounded) глагольную группу, см. (15b), (16b). У неинкрементальных глаголов, (не)предельность которых не зависит от свойств аргумента, партитив оформляет и кумулятивные, и квантованные прямые дополнения.

(15) финский [Baker 2015: 141]

- a. *Tuo-n* *karhu-n* / *karhu-t.*
 приносить-1SG медведь-ACC / медведь-PL.ACC
 ‘Я принесу (одного) медведя / (определенное количество) медведей’.
- b. *Tuo-n* *karhu-j-a.*
 приносить-1SG медведь-PL-PART
 ‘Я несу (сколько-то) медведей’.

⁶ Существует две традиции обозначения падежа квантованного дополнения в финском языке. Данные формы совпадают с генитивом в единственном числе и номинативом во множественном числе у всех именных групп кроме личных местоимений, имеющих отдельные формы генитива и объектного падежа. Соответственно, ураловедческая традиция обозначает падеж объекта как генитив / номинатив, в то время как генеративная традиция, вслед за влиятельной работой [Kiparsky 2001], использует ярлык «аккузатив». Далее в этом обзоре я следую обозначению, принятому в монографии Бейкера.

Поскольку доступность партитива для внутреннего аргумента не зависит от наличия номинативного подлежащего (ср. (16)), партитив не является зависимым падежом ТР; аккузатив, напротив, в соответствии с «правилом Янссона» (Jahnsson's Rule [Jahnsson 1871]), возникает только в конструкциях с номинативным подлежащим и может быть проанализирован как нижний зависимый падеж ТР.

(16) финский [Baker 2015: 141]

- a. *Tuo karhu* / **karhu-n!*
 приносить.IMP медведь.NOM *медведь-ACC
 'Принеси медведя!'
- b. *Tuo karhu-j-a!*
 приносить.IMP медведь-PL-PART
 'Принеси медведей!'

Финское дополнение в партитиве, таким образом, уподобляется немаркированному дополнению якутского языка: они оба остаются в глагольной группе и не участвуют в падежной конкуренции с внешним аргументом. Отличия между финским и якутским сводятся к двум моментам. Во-первых, в финском языке выдвижение прямого дополнения из глагольной группы мотивировано не определенностью, а квантитативными характеристиками аргумента: аспектуальная вершина с признаком [unBOUNDED] притягивает квантованное прямое дополнение, следствием чего оказывается квантованность (предельность) глагольной группы и выдвижение дополнения в падежную область ТР, где оно получает нижний зависимый аккузатив. Во-вторых, финский язык, в отличие от якутского, располагает специальным немаркированным падежом для VP, поэтому в финском «немаркированное» дополнение (партитив) не совпадает формально с «немаркированным» подлежащим (номинатив), а в якутском в обеих позициях обнаруживаются одинаковые формы немаркированного падежа (номинатив).

Анализ партитива как немаркированного падежа VP, однако, требует нестандартных допущений в отношении структуры отрицательного предложения. В финском языке дополнение отрицательных предложений выступает в партитиве, даже если глагольная группа предельная, а само дополнение — квантованное (17).

(17) финский [Baker 2015: 144]

- a. *Riitta luki kirja-n.*
 Рита.NOM читать.PST книга-ACC
 'Рита прочитала книгу'.
- b. *Riitta ei lukenut kirja-a* / **kirja-n.*
 Рита.NOM NEG читать.CONNEG книга-PART *книга-ACC
 'Рита не прочитала книгу'.

Чтобы объяснить отсутствие аккузатива на прямом дополнении в (17b), Бейкеру приходится предположить, что отрицание в финском языке является фазовой вершиной, так что ее комплемент, содержащий в примере (17b) выдвинувшееся из глагольной группы в AspP прямое дополнение, становится недоступен в падежной области ТР. Определенные основания для такого решения в финском языке, безусловно, имеются: отрицательная конструкция представляет собой сочетание отрицательного глагола, несущего предикативные признаки, и нефинитной формы лексического глагола — коннегатива, и в исторической перспективе, возможно, восходит к полипредикативной конструкции. Однако следует отметить, что постулирование дополнительной фазовой границы между vP и CP должно иметь существенные последствия не только для падежной проблематики, но и для прочих синтаксических феноменов, чувствительных к локальности. Насколько это справедливо для отрицательных предложений финского языка, еще предстоит установить.

Итак, граница VP «отвечает» за дифференцированное маркирование объекта: объекты внутри глагольной группы получают немаркированный падеж, а объекты вне глагольной группы — нижний зависимый падеж TP, аккузатив. Однако DOM, хотя и является широко распространенным феноменом, представлен далеко не во всех языках с аккузативной падежной моделью. Например, в кусканском кечуа любое прямое дополнение, в том числе неопределенное, неквантованное или нереферентное, получает аккузатив:

(18) КУСКАНСКИЙ КЕЧУА [Baker 2015: 146]

Juan wawakuna-man miski-(ta) qunpuni.*
 Хуан дети-DAT сласти-*(ACC) давать.НАВ.3SG

‘Хуан дает детям сласти’.

Очевидно, нам доступны две теоретические альтернативы: следует либо считать, что в языках с единообразным аккузативным маркированием прямого дополнения все прямые дополнения выдвигаются из глагольной группы, либо признать, что в таких языках граница VP прозрачна для приписывания зависимого падежа уровня TP. Бейкер принимает вторую гипотезу и вводит дополнительный параметр, характеризующий легкий глагол *v* как жесткую (*hard*) либо мягкую (*soft*) фазу. Материал комплемента жесткой фазы недоступен для дальнейших синтаксических операций; комплемент мягкой фазы образует падежную область, в которой происходит приписывание падежей уровня VP, но при этом остается доступным для синтаксических операций в следующей фазе.

Допущение о *v* как мягкой фазе создает проблему «недоприписывания» верхнего зависимого падежа. Рассмотрим битранзитивные конструкции корейского (19a) и шипибо (19b). В обоих языках на уровне VP не приписывается никаких падежей⁷, и в обоих языках *v* является мягкой фазой (что следует из доступности внутренних аргументов для падежной конкуренции при приписывании зависимых падежей TP — аккузатива и эргатива соответственно). Следовательно, в обоих языках в момент озвучивания TP клауза содержит три беспадежных именных группы, последовательно с-командующих друг другом ($DP_{AGENT} < DP_{GOAL} < DP_{THEME}$). Анализ Бейкера предсказывает, что в корейском языке две нижних именных группы получают зависимый аккузатив (и это соответствует действительности), а в шипибо две верхних именных группы получают зависимый эргатив в результате падежной конкуренции с нижней именной группой-темой. Однако последнее предсказание не подтверждается: верхнее дополнение в шипибо получает немаркированный падеж TP, абсолютив.

(19) a. КОРЕЙСКИЙ [Baker 2015: 231]

Cheli-ka Mary-lul panci-lul senmwul-ul hay-ss-ta.
 Чели-НОМ Мэри-АСС кольцо-АСС подарок-АСС делать-PST-DEC

‘Чели подарил Мэри кольцо’.

b. ШИПИБО [Baker 2015: 231]

*Maria-nin-ra Jose-(*kan) piti meni-ke.*
 Мария-ERG-РГТ Хосе-(*ERG) рыба давать-PF

‘Мария дала Хосе рыбу’.

c. [TP DP_{AGENT} ... [VP DP_{GOAL} [v' DP_{THEME} ...] ...] ...]

Чтобы объяснить асимметрию верхнего и нижнего зависимого падежа TP в битранзитивных конструкциях, можно обратить внимание на то, что падежным конкурентом для нижнего зависимого падежа выступает внешний аргумент, вступивший в деривацию только в TP, в то время как для верхнего зависимого падежа конкурентом может выступать только тот аргумент, который уже содержался в деривации в предыдущей падежной области, VP.

⁷ Для корейского языка этот факт обосновывается при помощи пассивизации: в пассивном предложении «исчезают» все аккузативы, а значит, ни один из внутренних аргументов не получает падеж на уровне VP.

Соответственно, мы приходим к выводу, что в падежной конкуренции учитываются только вновь возникшие в данной падежной области отношения с-командования между аргументами. Вследствие этого ограничения оба внутренних аргумента в корейском предложении (19а) получают зависимый аккузатив на основе впервые возникшего в ТР отношения с-командования с внешним аргументом, однако именная группа-цель в шипибо не может получить зависимый эргатив, поскольку отношение с-командования между ней и именной группой-темой уже существовало на уровне VP.

Итак, эргативность как морфосинтаксический феномен требует либо мягкой фазы легкого глагола (и тогда эргатив будет получать внешний аргумент любой прямопереходной конструкции), либо выдвижения выделенного (prominent) дополнения из глагольной группы (и тогда мы имеем дело с расщепленной эргативностью, обусловленной свойствами внутреннего аргумента⁸). Значительно чаще, однако, расщепленная эргативность связана с видо-временными характеристиками клаузы. Еще в работе [DeLancey 1981] было указано на регулярную связь между перфективностью клаузы и лицензированием эргатива; Дж. Кун [Coon 2013], исследуя возможные падежные типы расщепленной эргативности, основанной на ТАМ-категориях, отмечает, что «сдвиг» эргативной модели при этом типе расщепленной эргативности, в отличие от расщепленной эргативности, основанной на категории лица, не предполагает изменения базовой конструкции предложения с эргативной на аккузативную, но связан в первую очередь с не-лицензированием эргатива⁹.

Недоступность эргатива в имперфективных клаузах многие исследователи увязывают с полипредикативным синтаксисом имперфективных форм [Laka 2006; Кибрик (ред.) 1999; 2001; Coon 2013; Coon, Preminger 2017]. В модели Бейкера эту интуицию можно имплементировать двумя способами: и как собственно полипредикативную конструкцию, где внешний

⁸ Представляется, что Бейкер переоценивает распространенность такого феномена. В качестве примеров он приводит упоминавшийся выше язык аруако (ики), предположительно, канури и ниуэ, а также кочующий из работы в работу единственный пример из восточного хантыйского языка со ссылкой на хрестоматию [Gulya 1966] (в [Nikolaeva 1999] особого падежного маркирования внешнего аргумента хантыйского переходного глагола не отмечается). Очевидно, что, даже если в указанных языках выделенные характеристики объекта и его выдвижение из глагольной группы лицензируют эргативное маркирование внешнего аргумента, это происходит неизмеримо реже, чем лицензирование аккузатива выделенного объекта. Модель Бейкера, однако, предсказывает равную вероятность этих феноменов.

⁹ Отдельный тип сдвига — в сторону так называемой расширенной эргативной модели (extended ergative [Dixon 1979]) — представлен в майянских языках и связан, по-видимому, с тем, что имперфективные формы являются перифрастическими и включают в свой состав номинализацию лексического глагола; эргатив при этом является падежом посессора. Ср. примеры из чольского языка:

(i) чольский [Coon 2013]

- a. перфектив, эргативный внешний аргумент, абсолютный внутренний аргумент

Tyi k-mek'-e-yety.

PF 1ERG-обнимать-TR-2ABS

‘Я обнял тебя’.

- b. перфектив, абсолютный единственный аргумент

Tyi wäy-i-yety.

PF спать-INTR-2ABS

‘Ты поспал’.

- c. имперфектив, эргативный внешний аргумент, абсолютный внутренний аргумент

Choñkol k-mek'-ety.

PROG 1ERG-обнимать-2ABS

‘Я обнимаю тебя’.

- d. имперфектив, эргативный (пациентивный!) единственный аргумент

Choñkol a-wäy-el.

PROG 2ERG-спать-NMN

‘Ты спишь’.

и внутренних аргументы принадлежат разным ТР, и как фазовый статус части аспектуальных вершин. Таким образом, набор вершин, которые могут выступать в качестве фазовых, возрастает и становится еще одним параметром, характеризующим грамматику языка.

Наконец, последняя падежная область, которую рассматривает Бейкер, — именная группа. С зависимыми именной группы ассоциируется один падеж — генитив, однако, как показывает Бейкер, его природа может быть различна. Во-первых, генитив посессора, как и номинатив подлежащего, может приписываться функциональной вершиной при согласовании, как в турецком языке. Такой генитив приписывается в именной группе только один раз и находится в одно-однозначном соответствии с наличием согласующейся посессивной вершины. Во-вторых, генитив может быть немаркированным падежом именной группы, как в японском или тамильском языке: в таком случае количество аргументных генитивов в именной группе не ограничено, так что переходные предметные существительные (*picture nouns*), такие как ‘фотография’, ‘портрет’ и т. п., выступают в конструкциях с двумя генитивными аргументами. Наконец, в-третьих, генитив может быть верхним зависимым падежом именной группы. Последняя опция необходима Бейкеру, чтобы объяснить достаточно регулярный падежный синкретизм между эргативом и генитивом: в ряде генетически и ареально не связанных языков падеж посессора и падеж внешнего аргумента переходной клаузы совпадают [Lander 2009]. Эта цель, однако, достигается за счет несоразмерных по объяснительной силе допущений: приходится предположить, что посессор вступает в падежную конкуренцию с лексической NP обладаемой именной группы.

Еще одна проблема с падежной грамматикой именной группы, вытекающая из данного анализа, — отсутствие симметрии между эргативом и аккузативом. Бейкер отмечает, что в именной группе никогда не приписывается нижний зависимый падеж — ни самой лексической NP (которую приходится добавить к числу возможных падежных конкурентов из-за анализа посессивного эргатива как зависимого падежа), ни ее внутреннему аргументу. Неспособность имен приписывать аккузатив своим комплементарам — широко известный факт, получавший в разное время различные объяснения в формальной синтаксической теории, см. [Pesetsky, Torrego 2011], однако в конфигурационной модели для имплементации этого факта приходится вводить дополнительные допущения. Бейкер предполагает, что вершина Poss, вводящая внешний аргумент/посессор именной группы, также является фазовой, поэтому при озвучивании лексической NP ее аргумент не имеет падежного конкурента и может получить только немаркированный падеж.

Итак, в результате возникает следующая типология структурных падежей, представленная в таблице 1. Следует особо отметить подход Бейкера к анализу падежного синкретизма: по меньшей мере часть случаев связана не с воздействием случайных факторов, а с наличием общих признаков у падежных граммем разных локальных областей.

Таблица 1

Классификация структурных падежей

Падежная область	Верхний зависимый падеж	Нижний зависимый падеж	Немаркированный падеж
TP	эргатив (дияри)	аккузатив (корейский)	номинатив (финский)
VP	датив (якутский)	обликувус (чаморро)	партитив (финский)
NP	генитив (один на именную группу, якутский)	не применимо	генитив (множественный, японский)
TP и VP	эргатив-датив (аруако)	аккузатив-обликувус (амхарский)	номинатив (хинди?)
TP и NP	генитив-эргатив (шипибо)	не применимо	генитив-номинатив (тамильский)
VP и NP	генитив-датив (языки Австралии?)	не применимо	? (предположительно, генитив в русском)

3.3. Категориальный статус падежных конкурентов

Как мы уже видели при обсуждении приписывания зависимого падежа в именной группе, требования к падежному конкуренту и получателю падежа различны. Получателем падежа выступает максимальная именная проекция с данным референциальным индексом; вследствие этого, например, лексическая NP не может получить нижний зависимый падеж при конкуренции с посессором. В качестве падежного конкурента, однако, может выступать значительно более широкий круг составляющих.

Во-первых, в некоторых языках (вальпири, тамильский, бурушаски, фарерский) именные группы в лексически управляемых падежах способны быть падежными конкурентами для приписывания зависимого падежа. Это выражается в наличии клауз с падежными рамками (DAT; ACC) или (ERG; DAT). В других языках (исландский, каннада, дияри) только беспадежная именная группа может выступать падежным конкурентом; соответственно, при лексически управляемом первом аргументе в quirky-падеже исландский требует номинативного объекта¹⁰; аналогичным образом в дияри внешний аргумент не получает эргатив при косвеннопадежном внутреннем аргументе.

Во-вторых, падежными конкурентами способны выступать номинализованные зависимые клаузы. Например, в шипибо нереструктурированные инфинитивные клаузы на *-ti* всегда вызывают зависимый эргатив на термовом аргументе матричного предиката (ср. (20) с реструктурированным (11), где эргатив внешнего аргумента каузально зависит от переносности лексического глагола).

(20) шипибо [Baker 2015: 199]

Ja-n-ra [raké-ti] *onan-yama-ke.*
 он-ERG-PRT пугаться-INF.ABS знать-NEG-PRF

‘Он никогда не пугается’ (букв. ‘Он не знает, как испугаться’).

Если зависимая клауза вводится комплементаризером, его именное vs. глагольное происхождение может быть значимо для приписывания зависимого падежа. Например, в якутском комплементаризер *dien* представляет собой конверб глагола ‘говорить’ и не участвует в падежной конкуренции; в кусканском кечуа, напротив, в качестве комплементаризера может использоваться именная категория — указательное местоимение *chay* ‘это’, способное к падежной конкуренции и получению падежа.

В-третьих, Бейкер исследует пустые категории как возможные падежные конкуренты. Обнаруживается, что пустые категории образуют иерархию в отношении их способности лицензировать зависимый падеж: в кусканском кечуа падежным конкурентом могут быть только полные именные группы и *pro*; в финском — полные именные группы, *pro* и контролируемое PRO; в амхарском, тамильском и турецком к ним добавляется PRO с произвольной референцией (arbitrary PRO); наконец, в якутском и шипибо падежными конкурентами могут быть даже имплицитные аргументы: невыраженный агент в пассивной конструкции или номинализации, невыраженное дополнение.

(21) Иерархия падежных конкурентов [Baker 2015: 201]

выраженные ИГ и клитики > *pro* > контролируемое PRO > произвольное PRO > имплицитный аргумент > PP, VP и т. п.

Наконец, еще один вопрос, получающий освещение в связи с возможными категориями падежных конкурентов, — довольно часто встречающееся в языках мира приписывание структурного падежа адвербиалам (см., например, обзор в [Эршлер 2009]). Бейкер обнаруживает важную закономерность: именные адъюнкты бывают способны к получению зависимого

¹⁰ Анонимный рецензент справедливо указывает на существование в исландском конструкций с двумя аккумулятивами (например, *Drengina vantar mat* ‘Мальчи́кам (ACC) недостае́т е́ды (ACC)’ [Andrews 1982: 462]). В этом случае, по-видимому, оба аккумулятива являются лексически управляемыми.

или немаркированного структурного падежа, а также могут выступать падежными конкурентами в приписывании зависимого падежа другим адъюнктам, как это происходит в примере (22) из финского языка, но не могут лицензировать зависимый падеж аргументов.

(22) финский [Baker 2015: 261]

*Kävel-tiin kilometri koko talve-n / *talvi.*
 ходить-PASS.PST километр.NOM весь зима-ACC / *зима.NOM

‘Проходили по километру всю зиму’.

3.4. Тайминг приписывания падежа

В предшествующих монографии Бейкера работах представлены разные точки зрения на вопрос о том, в какой момент деривации вычисляются падежные значения. С одной стороны, в статье Марантца [Marantz 1991] и развивающих морфологический подход к падежу работах [McFadden 2004; Bobaljik 2008] предполагается, что приписывание падежной морфологии происходит при озвучивании, то есть в тот момент, когда синтаксическая структура уже полностью построена. С другой стороны, в [Preminger 2011; Levin, Preminger 2015; Kornfilt, Preminger 2015] приписывание падежа следует принципу раннего применения правил: падежный признак может быть означен, как только возникает релевантная для него конфигурация. Так, лексически управляемый падеж приписывается в момент соединения лексической вершины и комплемента, одновременно с заполнением аргументной позиции и «списыванием» (discharging) семантической роли у предиката. Для приписывания зависимого или немаркированного падежа падежной области XP необходимо, чтобы была построена XP. В монографии Бейкера принят промежуточный подход. С одной стороны, лексически управляемые падежи приписываются максимально рано — при проецировании лексической вершины. С другой стороны, структурные падежи уровня XP возникают не в тот момент, когда построена XP, но после того, как XP соединилась с фазовой вершиной Y и все операции, связывающие Y и составляющие внутри XP, были осуществлены.

Причина столь широкого диапазона возможностей, исследуемых сторонниками конфигурационного подхода к падежу, состоит в том, что при принятой в генеративной грамматике исключительно конфигурационной репрезентации различных аспектов предложения — его тематической, аргументной, логической структуры — то синтаксическое представление, которое наиболее релевантно для приписывания структурных падежей, оказывается промежуточным. Действительно, исходные отношения с-командования в глагольной области определяются тематической иерархией [Baker 1997]. Затем, при вступлении в деривацию предикативных вершин, определяются грамматические отношения (подлежащее, прямое дополнение, не прямое дополнение): А-передвижение создает новые структурные отношения между именными группами, так что структурный приоритет на этом этапе деривации отражает иерархию синтаксических ролей. Именно с А-передвижением в традиционной модели связано приписывание структурного падежа. Наконец, при присоединении вершины С (или комплекса вершин левой периферии клаузы [Rizzi 1997]) в результате А'-передвижений формируется логическая и информационная структура предложения: структурный приоритет отражает иерархию сферы действия составляющих, тема-рематическую структуру предложения. Таким образом, оптимальным моментом для приписывания падежа в конфигурационной модели является тот, когда уже произошли А-передвижения, но еще не произошли А'-передвижения¹¹. Критически важно, однако, что

¹¹ В действительности ситуация еще сложнее. Как справедливо отмечает Бейкер, граница между А и А'-передвижениями недостаточно четкая: так, например, скрэмблинг в разных языках и даже в пределах одного языка может иметь свойства как А', так и А-передвижения (см. [Mahajan 1990; Saito 1992; Кондрашова 2002]). Более того, если, вслед за Бейкером, считать выдвигание объекта из VP и подлежащего из TP в якутском языке А'-передвижением, то оказывается, что некоторые виды А'-передвижения могут влиять на приписывание падежа.

для конфигурационной модели противопоставление А и А'-передвижений лишено признаковой опоры (см. подробнее в [Лютикова 2017]). В традиционной падежной модели Теории управления и связывания А-передвижение определялось как передвижение в падежную позицию, и получение падежа было мотивацией А-передвижения. В минималистской модели отличие между А и А'-передвижениями опирается на признаки функциональных вершин, на которых «паразитирует» запускающий передвижение признак ЕРР (Extended Projection Principle): в случае А-передвижения это ϕ -признаки, в случае А'-передвижения — различные «краевые» (edge) признаки (*wh*, TOPIC и т. д.). Очевидно, что в конфигурационной модели, где согласование по ϕ -признакам следует за приписыванием зависимого падежа, правильно определить момент означивания падежных признаков всех релевантных категорий в терминах этапа деривации / удовлетворения определенных признаков вершин в принципе невозможно.

Выход из этого теоретического тупика, предлагаемый Бейкером, интуитивно не слишком привлекателен. Бейкер использует противопоставление аргументных позиций (комплементов и спецификаторов) и адьюнктных позиций, в которых проецируются адьюнкты и через которые происходит выдвигание составляющих из комплементов фаз.

Аргументы и адьюнкты демонстрируют интересные различия в том, что касается тайминга их появления в деривации. В диссертации [Lebeaux 1988] был обнаружен удивительный эффект антиреконструкции — отсутствие нарушения принципа С при реконструкции содержащего референциальное выражение относительного предложения (23b) (отметим, что (23a), где референциальное выражение находится в составе актантного предложения, неграмматично из-за нарушения принципа С при реконструкции вопросительной группы в базовой позиции).

(23) a. *[Which argument that **Bill**_i is a coward] does **he**_i think that John will mention?

‘*Какой аргумент, что Билл_i — трус, он_i считает, что Джон упомянет?’

b. [Which argument that **Bill**_i likes] does **he**_i think that John will mention?

‘Какой аргумент, импонирующий Биллу_i, он_i считает, что Джон упомянет?’

Возможное объяснение этого эффекта — предположение, что адьюнкты (в частности, относительные клаузы) могут вступать в деривацию позже, чем аргументы, и присоединяться уже к подвергшейся передвижению вопросительной группе. Это предположение позволяет объяснить также различие между аргументами и адьюнктами в отношении их способности к связыванию: как показывают примеры (24a—b), аргументы могут связывать составляющие адьюнктов (и аргументов), но связывание из адьюнктов в аргументы невозможно.

(24) a. *Our manager talks* [_{Arg} to each employee_i] [_{Adj} on her_i birthday].

‘Наш менеджер беседует с каждым работником в его день рождения’.

b. **Our manager talks* [_{Adj} on each Monday_i] [_{Arg} about its_i special opportunities].

‘*Наш менеджер рассказывает каждый понедельник о его особых возможностях’.

Вспомним также результат, описанный в разделе 3.3: адьюнкты могут получать зависимый падеж при падежной конкуренции с аргументами и адьюнктами, но не могут выступать падежными конкурентами для приписывания зависимого падежа аргументам. Бейкер делает вывод, что все эти факты говорят о более позднем по сравнению с аргументами учете адьюнктов в различных синтаксических процессах, в том числе — в приписывании падежа.

Процесс приписывания падежа, по мысли Бейкера, происходит в два этапа. Сперва рассматриваются только составляющие в аргументных позициях, принадлежащие данной падежной области. После того как все структурные падежи данной области приписаны, в общую картину добавляются адьюнкты. Отношения с-командования между аргументами

и адьюнктами не способны изменить падежи аргументов, поскольку те уже фиксированы, однако могут оказать влияние на падежное оформление адьюнктов. Важно отметить, что это предположение призвано объяснить не только структурные падежи различных адвербиалов (и падежную конкуренцию двух адвербиалов в отсутствие аргументов в примере (22)), но и получение выдвинувшимися из своей падежной области аргументными именными группами падежа вышестоящей падежной области (например, аккумулятива дополнением в языках с DOM (12) или аккумулятива подлежащим зависимой клаузы (8)).

Таким образом, Бейкеру удается построить систему, в которой передвижение всегда предшествует приписыванию падежа, но некоторые передвижения «не учитываются»: это те передвижения, целью которых является адьюнктная позиция внутри данной падежной области. Поскольку на первом этапе приписывания падежа будет видна только аргументная позиция данной именной группы в данной падежной области, то именная группа получит падеж, соответствующий ее исходной позиции. Если это зависимый падеж, он, по мысли Бейкера, сохраняется на всех копиях именной группы [Baker 2015: 272], что обеспечивает не только иммунитет падежного признака при *wh*-передвижении, но и «ингерентный» (в смысле [Woolford 2006]) характер верхних зависимых падежей — датива и эргатива — при их подъеме в аргументную позицию в более высокой падежной области. Немаркированный падеж, напротив, не передается верхним копиям (ср. отсутствие партитива на выдвинувшемся из глагольной группы квантованном дополнении в финском языке); вследствие этого верхние копии могут получить более «интересный» (т. е. более маркированный) падеж в вышестоящей падежной области [Baker 2015: 278].

Наследование зависимого (и лексически управляемого) падежа верхними копиями именной группы открывает интересную перспективу в изучении множественного падежного маркирования. Бейкер высказывает предположение, что число языков, допускающих наложение падежей, в действительности больше, чем принято считать, однако морфологические ограничения многих языков не допускают одновременное выражение разных падежных граммем на одной именной группе. Одним из признаков множественного падежного маркирования, помимо открытого наложения падежей, может служить варьирование падежей двух падежных областей в одной структурной позиции, как в корейском примере (25). Открытое наложение падежей (25a), как отмечается в [Levin 2014], возможно только в том случае, если именная группа соответствует узкому фокусу. В отсутствие фокуса грамматичен только один падежный показатель, однако это может быть как датив, падеж уровня VP (25b), так и номинатив, падеж уровня TP (25c), причем отношение между ними близко к свободному варьированию.

(25) КОРЕЙСКИЙ [Baker 2015: 282—283]

a.	<i>John-eykey-ka</i>	<i>Mary-ka</i>	<i>mwusep-ta.</i>
	Джон-DAT-NOM	Мэри-NOM	бояться-DEC
b.	<i>John-eykey</i>	<i>Mary-ka</i>	<i>mwusep-ta.</i>
	Джон-DAT	Мэри-NOM	бояться-DEC
c.	<i>John-i</i>	<i>Mary-ka</i>	<i>mwusep-ta.</i>
	Джон-NOM	Мэри-NOM	бояться-DEC
- ‘Джон боится Мэри’.

Особого интереса заслуживает тайминг приписывания падежа по отношению к таймингу согласования. В литературе представлены противоположные точки зрения на этот вопрос: модель «сперва согласование, потом падеж» Н. Хомского представляет приписывание структурного падежа как побочный продукт согласования, а модель «сперва падеж, потом согласование» Дж. Бобалика рассматривает связь между падежом и согласованием в плоскости падежных ограничений на выбор возможной мишени согласования. Бейкер признает наличие обоих типов взаимосвязи (ср. с «двусторонней» формулировкой параметра CDAP в (1)) и выдвигает принцип «падеж — согласование — падеж». Тайминг этих операций выглядит следующим образом:

- (26) Тайминг падежа и согласования
- i. приписывание лексически управляемого падежа
 - ii. приписывание зависимого падежа
 - iii. согласование:
 - iiia. вершина F согласуется с именной группой без падежа ([Case: __]) и приписывает ей падеж X
 - iiib. вершина F согласуется с именной группой без падежа ([Case: __])
 - iiic. вершина F согласуется с именной группой с падежом X ([Case: X])
 - iiid. вершина F согласуется с любой именной группой
 - iv. приписывание немаркированного падежа

Из (26) следует, что приписывание зависимого падежа никогда не основывается на согласовании, однако согласование может быть чувствительно к зависимому падежу. Именные группы в немаркированном падеже, напротив, могут выступать контролерами согласования до получения падежа и получать падеж вследствие согласования. Учитывая, что немаркированный падеж не передается верхним копиям, мы ожидаем обнаружить случаи, когда согласование внутри нижней падежной области происходит с именной группой, получающей зависимый или немаркированный падеж в верхней падежной области. Заметим, что именно такой анализ предикативного согласования с аккузативным подлежащим и посессивного согласования с дативным внешним посессором в якутском языке предлагает Ж. Корнфилт [Kornfilt 2013; Kornfilt, Preminger 2015].

4. Проблемы и перспективы конфигурационной модели

Нельзя не отметить, что разработанная М. Бейкером параметрическая модель позволяет нам сформулировать принципиально новые обобщения о падежной грамматике естественных языков. Укажем лишь некоторые из них. Регулярные отличия в падежном маркировании экспириенциальных предикатов разноструктурных языков связаны с порождением экспириенца вне либо внутри группы лексического глагола; последняя опция приводит к недоприписыванию зависимого падежа на уровне TP (и отклонению от аккузативной/эргативной модели), поскольку новых отношений с-командования в этой падежной области, по сравнению с VP, не возникает. Реструктурирование полипредикативных конструкций уничтожает границу фазы между аргументами матричного и лексического предиката, вследствие чего падеж верхнего аргумента зависит от переходности лексического предиката, а падеж дополнения нижнего предиката может приписываться на основе падежной конкуренции с аргументом матричного предиката. Скрэмблинг аргументов может влиять на приписывание падежа именным адьюнктам, но не на приписывание падежа аргументам; передвижение в аргументную позицию (например, подлежащего) оказывает влияние как на падеж аргументов, так и на падеж адьюнктов. Синкретизм структурных падежей не случаен, но отражает сходные принципы приписывания падежа в разных падежных областях.

Вместе с тем следует признать, что параметрическая модель конфигурационного падежа Бейкера чрезвычайно мощная — по-видимому, даже более мощная, чем это необходимо для представления языкового разнообразия. Кажется, что некоторые параметры, понимаемые как независимые, в действительности взаимообусловлены. Рассмотрим, к примеру, анализ языков с дифференцированным маркированием объекта. DOM, по мысли Бейкера, возникает тогда, когда часть дополнений выдвигается из глагольной группы, а часть остается *in situ*, и при этом *v* является жесткой фазой. Даже если принять позиционный анализ DOM для якутского языка (см., однако, [Лютикова, Перельцвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015] о дифференцированном маркировании объекта в татарском языке, где и немаркированное, и аккузативное дополнение могут располагаться *in situ*), мы видим, что к DOM приводит одна опция из четырех, а остальные три варианта дают единообразное падежное маркирование прямых дополнений. Если любые внутренние аргументы остаются *in situ*

и фаза *v* жесткая, они получают немаркированный падеж VP (отметим, что нам неизвестны языки, которые бы реализовывали такую опцию — предположительно, это должен быть язык с маркированным абсолютивом и немаркированным падежом внешнего аргумента). Если же фаза *v* мягкая, то независимо от выдвижения «выделенных» дополнений все дополнения будут получать падеж уровня TP. Таким образом, параметр выдвижения дополнения из глагольной группы «срабатывает» только для языков с жесткой фазой *v*.

Аналогичные рассуждения можно провести и в отношении анализа падежей в именной группе. Для того чтобы объяснить падежный синкретизм посессора и внешнего аргумента эргативных языков, Бейкер предполагает в шипибо падежную конкуренцию посессора, расположенного в спецификаторе PossP, с комплементом вершины Poss — группой лексического существительного. Затем, объясняя невозможность маркирования аккумулятивом аргумента лексического существительного в японском языке, Бейкер вводит новую фазовую вершину, Poss, так что при озвучивании NP у внутреннего аргумента всегда отсутствует падежный конкурент. Два аргумента именной группы — внутренний аргумент и посессор — располагаются в разных падежных областях и не могут получить зависимый падеж, поэтому оформляются генитивом — немаркированным падежом японской именной группы. Однако если вершина Poss всегда является фазовой, то и в шипибо падежная конкуренция посессора и NP невозможна. Следовательно, необходимо признать, что фазовый характер вершины Poss варьирует точно так же, как и у вершины *v*, но при этом фаза Poss всегда мягкая в языках с верхним зависимым падежом (шипибо) и жесткая в языках с нижним зависимым падежом (японский).

Конфигурационная модель предполагает серьезное вмешательство в архитектуру грамматики. В первую очередь речь идет о разделяемом в настоящее время большинством формальных лингвистов мета-допущении, что синтаксическую деривацию приводят в движение признаки вершин. Различные синтаксические операции, в том числе и операция соединения (*merge*), мотивированы различными формальными признаками, например, категориальным признаком вершины и составляющей, тета-ролями предиката, признаками времени, вида, полярности, вопросительности и т. д. Участие признаков в построении синтаксической репрезентации основывается на принципе раннего применения правил: признаки вступившей в деривацию составляющей должны быть означены/удовлетворены как можно раньше, как только для этого возникнут структурные условия. Принцип раннего применения правил обеспечивает единый механизм обращения синтаксического модуля с разными признаками и тем самым существенно упрощает вычислительный компонент. Модель Бейкера, однако, предполагает, что работа синтаксического компонента с разными признаками должна осуществляться в разное время. Например, признак EPP вершины T, вызывающий передвижение аргумента в позицию подлежащего, срабатывает в процессе деривации, поскольку результат его воздействия на синтаксическую структуру предложения очевидным образом релевантен для приписывания падежей. Аналогично признак [*IBOUNDED*] аспектальной вершины в финском языке должен притягивать квантованное дополнение в «узком» синтаксисе. Также максимально рано должны быть удовлетворены тета-признаки предикатных вершин. С другой стороны, ф-признаки функциональных вершин активизируются поздно, при озвучивании комплемента фазы, причем строго после приписывания зависимого падежа. Почему разные признаки задают различные инструкции вычислительному компоненту и какой принцип обеспечивает классификацию признаков — эти вопросы остаются открытыми.

Отдельную серьезную проблему представляет необходимая для работы модели Бейкера система передвижений. Часть передвижений, как и в классической генеративной модели, вызывается признаками вершин, срабатывающими в синтаксическом компоненте (ср. выдвижение квантованного дополнения в финском). Часть передвижений, по-видимому, мотивирована собственными свойствами именной группы (ср. выдвижение определенного дополнения в якутском). Передвижение в позицию подлежащего мотивируется только признаком EPP предикативной вершины. Поскольку этот признак вершины T срабатывает

отдельно от ф-признаков и существенно раньше их, загадочной выглядит удивительная категориальная избирательность ЕРР: в качестве спецификатора вершине Т подходят только именные группы, но не предложные группы или, скажем, наречия. Наконец, большая группа передвижений, например таких, как в (8b), вообще ничем не мотивирована. Если добавить к этому необходимость большого количества промежуточных позиций для передвижения, связанную с постулированием дополнительных фазовых вершин (например, отрицания в финском, *Asp* в шипибо и прибрежном цимшианском, *Poss* в японском и др.), а также адьюнкцию выдвигаемого аргумента к промежуточной проекции фазовой вершины¹², создается впечатление возврата к неограниченно применяемой операции *move α*. Более того, постулируемые передвижения, будучи достаточно короткими, далеко не всегда находят отражение в изменении наблюдаемой линейной позиции составляющей, что также не способствует убедительности анализа.

К сожалению, компоненты анализа, относящиеся к одному языку, не сводятся в единое описание падежных феноменов конкретного языка. Сам Бейкер пишет, что задумывал второй том монографии [Baker 2015], представляющий падежные системы разных типов, но сделал выбор в пользу более подробного представления материала различных языков в тематически организованных главах. Однако, если попытаться соединить ингредиенты, анализ не всегда сходится. Рассмотрим, к примеру, аккумулятивные подлежащие якутского языка (пример (8a), повторяемый здесь как (27)).

(27) якутский

Min [ehigi-ni_i [sarsyn t_i kel-iex-xit] dien] ihit-ti-m.
я(НОМ) ты-АСС завтра приходить-FUT-2PL что слышать-PST-1SG

‘Я слышал, что ты завтра придешь’.

В [Baker 2015] делаются следующие утверждения о падежной грамматике якутского языка:

- а) номинатив подлежащего приписывается вершиной Т при согласовании (с. 31);
- б) аккумулятив — нижний зависимый падеж ТР (с. 126);
- в) *v* — жесткая фаза (с. 150);
- г) аккумулятивные подлежащие адьюнгируются к собственной СР (с. 115);
- д) аккумулятивные подлежащие не поднимаются в главную клаузу (с. 117).

Из (а) и наличия согласования на предикате зависимой клаузы в (27) следует, что именная группа ‘ты’ получила номинатив. Бейкер не уточняет, передается ли падеж, приписанный при согласовании, верхним копиям, однако это нерелевантно для анализа якутского примера, поскольку номинативу не соответствует никакого падежного аффикса. Затем, по видимому, номинативное подлежащее выдвигается из ТР и адьюнгируется к СР (г). Следующая падежная область — VP главной клаузы. В ней именная группа ‘ты’ не имеет падежных конкурентов и может получить только немаркированный падеж (который формально совпадает с номинативом, приписываемым при согласовании). Для получения зависимого аккумулятива в главной клаузе именная группа ‘ты’ должна вступить в падежную конкуренцию с внешним аргументом ‘я’ в ТР главной клаузы (б). Однако это невозможно: с одной стороны, именная группа ‘ты’ не поднимается в главную клаузу (д), а с другой стороны, *v*

¹² Формально это передвижение представляет собой так называемое «подвертывание» (tucking in), адьюнгирующее некоторый материал не к построенной в данный момент составляющей, а к ее части, ср. схему «подвертывания» в (i) и стандартной адьюнкции [Chomsky 2000] в (ii).

(i) [_{VP} EA [_{V'} DP_i [_{V'} *v* [_{VP} ... t_i ...]]]]

(ii) [_{VP} DP_i [_{VP} EA [_{V'} *v* [_{VP} ... t_i ...]]]]

В модели Бейкера подобная адьюнкция через «подвертывание» необходима для того, чтобы нижняя копия внешнего аргумента не получила зависимый падеж от выдвигаемого внутреннего аргумента в ТР в цикле учета адьюнкторов.

является в якутском языке жесткой фазой (в), так что именные группы ‘я’ и ‘ты’ никогда не окажутся в пределах одной падежной области.

Наконец, некоторые универсалистские утверждения Бейкера, по-видимому, могут быть оспорены на материале языков, не попавших в его выборку. Мы остановимся лишь на двух из них.

Первое связано с анализом падежей, приписываемых в именной группе. Как уже отмечалось выше, Бейкер усматривает значимую асимметрию между регулярным падежным синкретизмом эргатива и генитива и чрезвычайно редким и случайным падежным синкретизмом аккузатива и генитива [Baker 2015: 171—172]. Характерно, что синкретизм с эргативом демонстрирует «единичный» генитив именной группы. Отсюда Бейкер делает вывод, что основанием для падежного синкретизма является признак «верхний зависимый падеж», и предполагает, что эргатив посессора возникает в падежной конкуренции с NP.

В качестве контрпримера к обобщению Бейкера можно рассмотреть материал эстонского языка¹³. Как известно, в эстонском, в отличие от финского, основания рассматривать аргументный генитив как аккузатив отсутствуют: не существует именных групп, различающих генитив и «аккузатив». Генитив, как и финский аккузатив, оформляет квантованные прямые дополнения и, по-видимому, должен получать анализ, аналогичный анализу финского аккузатива. Таким образом, эстонский язык демонстрирует падежный синкретизм зависимого падежа TP и падежа, приписываемого в именной группе.

Обсудим теперь характер приименного генитива. Приименный генитив в эстонском языке явно не приписывается при согласовании: допустимо множественное генитивное маркирование аргументов переходного существительного, ср. (28). Следовательно, в модели Бейкера эстонский генитив может быть только конфигурационным падежом именной группы.

(28) эстонский

(<https://www.e-varamu.ee/item/Z7FLXZS3ANW7B3J3BK6KCHKIVSGNLY3X>)

Fotol Adamsoni Kreutzwaldi mälestussamba kavand.

фото.АД Адамсон.ГЕН Крейцвальд.ГЕН памятник.ГЕН эскиз

‘На фотографии эскиз памятника Крейцвальду Адамсона’.

Означает ли падежный синкретизм нижнего зависимого падежа TP и конфигурационного падежа DP, что генитив (или один из генитивов, например, внутреннего аргумента *Kreutzwaldi* ‘Крейцвальду’) — нижний зависимый падеж именной группы? Продолжая сопоставление единичного генитива и эргатива, с одной стороны, и множественного генитива и аккузатива, с другой стороны, отметим, что в именных группах можно также усмотреть недоприписывание верхнего зависимого падежа (только один эргатив при битранзитивном глаголе в шипибо, только один генитив в переходной именной группе в шипибо) и полноценное приписывание нижнего зависимого падежа (два аккузатива при битранзитивном глаголе в корейском, два генитива при переходном существительном в эстонском). Раз падежными конкурентами способны выступать именные составляющие разных видов, ничто не мешает считать вершину D падежным конкурентом для приписывания нижнего зависимого генитива в эстонском языке.

Намеченный в предыдущем абзаце анализ представляется контринтуитивным, однако он опирается на языковые данные практически в той же мере, что и анализ эргатива посессора как верхнего зависимого падежа. Как кажется, падеж посессора определяется иными правилами, чем падежи ядерных аргументов клаузы, и не может быть адекватно представлен как результат падежной конкуренции.

Второе утверждение Бейкера, которое хотелось бы обсудить подробнее, заключается в том, что эргатив всегда является верхним зависимым падежом и никогда не приписывается лексической вершиной вместе с тета-ролью либо функциональной вершиной при согласовании. Соответственно, эргатив всегда возникает в падежной конкуренции с с-командуемой беспадежной именной группой.

¹³ Благодарю за консультацию Ф. И. Рожанского.

Рассмотрим для этого материал морфологически эргативных восточно-кавказских языков¹⁴. В некоторых из них, например в агульском (29) и чирагском даргинском, в перифрастической и в синтетической каузативной конструкции от переходного глагола возможно оформление каузируемого эргативом¹⁵.

(29) агульский [Daniel et al. 2012: 60], цит. по [Ganenkova, Maisak 2016]

baw.a *ruš.a* *jak:* *ʕut'.a-s* *q'.u-ne*
мать.ERG дочь.ERG мясо.ABS есть.IPF-INF делать.PF-AOR

‘Мать заставила дочь есть мясо’.

Обсудим приписывание эргатива каузирующему и каузируемому. Известно, что каузативные конструкции могут представлять собой как полипредикативные, так и монопредикативные структуры, и эта дихотомия не обязательно коррелирует с перифрастической vs. аналитической формой конструкции. Поэтому мы рассмотрим две альтернативы.

Предположим сперва, что в (29) представлена полипредикативная конструкция и именные группы ‘мать’ и ‘дочь’ принадлежат разным ТР. В таком случае каузируемый получает эргатив в нижней ТР в результате падежной конкуренции с дополнением ‘мясо’. Поскольку фаза С всегда жесткая, а инфинитивная клауза не является номинализованной, в верхней ТР именная группа ‘мать’ будет лишена падежных конкурентов и не сможет получить зависимый эргатив.

Предположим теперь, что (29) подверглось реструктурированию и представляет собой монопредикативную конструкцию (30), где нижний легкий глагол v_1 вводит каузируемого, а верхний — каузативная морфема v_2 — каузирующего.

(30) [TR ... [_{v2P} CAUSER [_{v1P} CAUSEE [_{VP} ABS V] v_1] v_2 (CAUS)] T]

Чтобы оба эргатива могли быть приписаны в ТР на основе падежной конкуренции, необходимо, чтобы v в агульском языке было мягкой фазой. Рассмотрим отношения структурного приоритета между аргументами каузативной конструкции на разных этапах деривации. Первая фазовая вершина — v_1 — задает падежную область VP. VP содержит единственный аргумент, который не получает зависимого падежа. Поскольку v — мягкая фаза, немаркированный падеж также не приписывается. Следующая фазовая вершина — каузативная вершина v_2 ; ей соответствует падежная область v_1P . В ней представлены два аргумента — каузируемый и внутренний аргумент глагола, причем каузируемый с-командует внутренним аргументом. На уровне vP зависимый падеж не определен¹⁶, а немаркированный падеж по тем же причинам, что и ранее, не приписывается. Наконец, фазовая вершина С задает падежную область ТР, в которой мы обнаруживаем три именные группы, связанные отношением с-командования. Две пары именных групп — CAUSER < CAUSEE и CAUSER < ABS — дают одинаковый результат: каузатор получает верхний зависимый эргатив. Третья пара — CAUSEE < ABS — могла бы быть источником эргатива для каузируемого, однако это отношение с-командования повторяет то отношение, которое уже было установлено в предыдущей фазе и, следовательно, не должно учитываться. Каузируемый и внутренний аргумент получают немаркированный падеж ТР — абсолютив. Предпринятые рассуждения представлены в таблице 2.

¹⁴ Благодарю за консультацию М. Э. Чумакину, М. А. Даниэля и Т. А. Майсака.

¹⁵ Во многих северо-кавказских языках засвидетельствованы «неядерные» функции эргатива: маркирование инструмента, именного предиката, причины, времени и т. п. Как отмечает рецензент, оформление каузируемого эргативом может отражать именно такое использование данного падежа. Важно, однако, что в модели Бейкера эргатив всегда является верхним зависимым падежом и, следовательно, не может рассматриваться как семантический падеж, то есть падеж, лексически управляемый нулевым послелогом, вводящим семантику инструмента / времени / причины и т. п.

¹⁶ Мы делаем этот вывод, опираясь на следующее рассуждение: несмотря на то что Бейкер вводит целый ряд дополнительных фазовых вершин — NEG, Asp, Poss, E, — ни одна из них не связана с постулированием новых зависимых падежей в составляющих — комплементах фазы (vP , NP).

Таблица 2

Приписывание зависимых падежей в монопредикативной каузативной конструкции

Фазовая вершина	Падежная область	Аргументы, с-командование	Падежи
v_1	VP	ABS	—
v_2	v_1P	CAUSEE < ABS	—
C	TP	CAUSEE < ABS (то же, что и в предыдущей фазе)	—
		CAUSER < CAUSEE	CAUSER: ERG
		CAUSER < ABS	CAUSER: ERG

В чем причина неудовлетворительного результата, который показывает модель Бейкера в объяснении примера (29)? По-видимому, дело в том, что эргатив в агульском более локальный падеж, чем верхний зависимый падеж TP. Как отмечалось во многих работах, посвященных аргументной структуре дагестанских языков (из последних работ см., например, [Polinsky 2015; 2016; Lyutikova 2015; Тестелец 2016; Ганенков 2016]), все аргументы клаузы и все падежи, в том числе и эргатив, лицензируются на уровне глагольной области (vP) и независимы от наличия или финитности T. Поскольку при каузативизации возникает еще один внешний аргумент и, следовательно, еще одна переходная vP (ср. анализ в [Harley 1995; 2008; Travis 2000; 2005; Ramchand 2008; Miyagawa 2012]), лицензируется еще один эргатив. В системе Бейкера, очевидно, такого результата можно достичь, либо постулируя vP как падежную область, в которой приписывается верхний зависимый эргатив¹⁸, либо допустив, что эргатив приписывается функциональной вершиной v при согласовании. Обе опции, однако, идут вразрез с логикой предлагаемой Бейкером модели.

Завершая обсуждение параметрической модели конфигурационного падежа, представляется необходимым отметить следующее. Безусловно, в настоящий момент она весьма уязвима для критики как с внешних позиций, с точки зрения интеграции падежного модуля в общую модель формального синтаксиса, так и изнутри самой падежной теории. Думается, однако, что это естественно для модели, находящейся в разработке. Избыточность, несогласованность разных компонентов модели и сверхобобщения — естественные болезни роста теорий. Важно, что конфигурационная модель в системе Бейкера позволяет сделать принципиально новые обобщения о возможных и невозможных падежных системах, проследить результаты действия единой системы параметров в языках разного строя и увидеть единство в многообразии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо

ABS — абсолютив

ACC — аккузатив

AD — адессив

ADJ — адьюнкт

AG — агентивная номинализация

AOR — аорист

ARG — аргумент

ASP — вид

ASP — аспектальная вершина

ASPP — группа аспекта

AUX — вспомогательный глагол

C — комплементаризер

CONNNEG — коннегатив

CP — группа комплементаризера

D — определитель (артикл)

DAT — датив

DEC — декларатив

DOM — дифференцированное маркирование объекта

DP — группа определителя

DPST — давнопрошедшее время

E — эквативная вершина

ERG — эргатив

F — женский род

F — функциональная вершина

¹⁸ Заметим, что, хотя Бейкер с легкостью вводит новые фазовые вершины, чтобы поставить «барьер» для нежелательной падежной конкуренции, локальные области, в которых приписывается конфигурационный падеж, остаются неизменными — это VP, TP и PossP/NP.

FOC — фокус	Poss — посессивная вершина
FUT — будущее время	PossP — посессивная группа
GEN — генитив	PP — предложная группа
HAB — хаби́туалис	PRF — перфект
IMP — императив	<i>pro</i> — нулевое анафорическое местоимение
INF — инфинитив	PRO — нулевое подлежащее нефинитных клауз
INTR — непереходная клауза	PROG — прогрессив
IPF — имперфектив	PRT — предикативная частица
LOC — локатив	PST — прошедшее время
MNOM — маркированный номинатив	PTCP — причастие
N — существительное	REF — фокус эмпатии (reference point)
NEG — отрицание	SG — единственное число
NMN — номинализация	SU — субъектное согласование
NOM — номинатив	T — предикативная вершина
NP — группа существительного	TP — предикативная группа
OBJ — объектное согласование	TR — переходная клауза
PART — паритив	<i>v</i> — легкий глагол
PASS — пассив	V — лексический глагол
PERI — периферийный участник	<i>v</i> P — группа легкого глагола
PF — перфектив	VP — группа лексического глагола
PL — множественное число	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляев 2014 — Беляев О. И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 31—65. [Belyaev O. I. Ossetic as a language with a two-case system: Suspended affixation and other paradoxes of case marking. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 6. Pp. 31—65.]
- Ганенков 2016 — Ганенков Д. С. Корпусное исследование инфинитивных конструкций в лезгинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 1. С. 310—322. [Ganenkov D. S. A corpus-based study of infinitive constructions in Lezgian. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*. 2016. Vol. 12. No. 1. Pp. 310—322.]
- Кибрик (ред.) 1999 — Кибрик А. Е. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: ИМЛИ РАН, 1999. [Kibrik A. E. (ed.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur in the light of typology]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 1999.]
- Кибрик (ред.) 2001 — Кибрик А. Е. (ред.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М.: ИМЛИ РАН, 2001. [Kibrik A. E. (ed.). *Bagvalinskii yazyk: grammatika, teksty, slovari* [Bagvalal: Grammar, texts, dictionaries]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2001.]
- Кондрашова 2002 — Кондрашова Н. Ю. Генеративная грамматика и проблема свободного порядка слов // Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. (ред.). Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. 2-е изд. М.: УРСС, 2002. С. 110—142. [Kondrashova N. Yu. Generative grammar and the problem of free word order. *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental'nye napravleniya*. Kibrik A. A., Kobozeva I. M., Sekerina I. A. (eds.). 2nd ed. Moscow: URSS, 2002. Pp. 110—142.]
- Лютикова 2017 — Лютикова Е. А. Формальные модели падежа: теории и приложения. М.: ЯСК, 2017. [Lyutikova E. A. *Formal'nye modeli padezha: teorii i prilozheniya* [Formal models of case: Theories and applications]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2017.]
- Лютикова, Перельцвайг 2015 — Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 52—69. [Lyutikova E. A., Pereltsvaig A. M. Noun phrase structure in articleless languages: Universality and variation. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 3. Pp. 52—69.]
- Тестелец 2016 — Тестелец Я. Г. Падеж и структура предложения в аварском языке. Доклад на открытом заседании Отдела кавказских языков Института языкознания РАН. Москва, 19.05.2016. [Testelecs Ya. G. *Padezh i struktura predlozheniya v avarskom yazyke. Doklad na otkrytom zasedanii Otdela kavkazskikh yazykov Instituta yazykoznanija RAN. Moskva, 19.05.2016*. [Case and sentence structure in Avar. A report presented at the open session of the Department of Caucasian languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Moscow, May 19, 2016.]

- Эршлер 2009 — Эршлер Д. А. К типологии непациентивных значений аккумулятива // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 32—49. [Erschler D. A. Towards a typology of non-patient meanings of accusative. *Voprosy jazykoznanija*. 2009. No. 3. Pp. 32—49.]
- Якобсон 1936/1985 — Якобсон Р. О. К общему учению о падеже: Общие значения русских падежей // Якобсон Р. О. Избранные работы. Пер. с англ., нем., франц. М.: Прогресс, 1985. [Jakobson R. O. Contribution to the general theory of case: General meanings of the Russian cases. Jakobson R. O. *Izbrannye raboty*. Transl. from English, German, French. Moscow: Progress, 1985.] (Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. 1936. Vol. VI. Pp. 240—288.)
- Andrews 1982 — Andrews A. The representation of case in Modern Icelandic. *The mental representation of grammatical relations*. Bresnan J. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1982. Pp. 427—503.
- Baker 1988 — Baker M. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988.
- Baker 1996 — Baker M. *The polysynthesis parameter*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
- Baker 1997 — Baker M. Thematic roles and syntactic structure. *Elements of grammar*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997. Pp. 73—137.
- Baker 2001 — Baker M. *The atoms of language: The mind's hidden rules of grammar*. New York: Basic books, 2001.
- Baker 2005 — Baker M. *Lexical categories*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Baker 2008a — Baker M. *The syntax of agreement and concord*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Baker 2008b — Baker M. The macroparameter in a microparametric world. *The limits of syntactic variation*. Biberauer T. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 351—374.
- Baker 2009 — Baker M. Is head movement still needed for noun incorporation? The case of Mapudungun. *Lingua*. 2009. Vol. 119. Pp. 148—165.
- Baker 2010 — Baker M. Formal generative typology. *The Oxford handbook of linguistic analysis*. Heine B., Narrog H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 285—312.
- Baker 2012 — Baker M. On the relationship of object agreement and accusative case: Evidence from Amharic. *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43. Pp. 255—274.
- Baker 2013 — Baker M. On agreement and its relationship to case: Some generative ideas and results. *Lingua*. 2013. Vol. 130. Pp. 14—32.
- Baker 2014 — Baker M. On dependent ergative case (in Shipibo) and its derivation by phase. *Linguistic Inquiry*. 2014. Vol. 45. Pp. 341—380.
- Baker 2015 — Baker M. *Case: Its Principles and Parameters*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- Baker 2017 — Baker M. Ergative case in Burushaski: A dependent case analysis. *The Oxford handbook of ergativity*. Coon J., Massam D., Travis L. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 2017. Pp. 759—781.
- Baker, Bobaljik 2017 — Baker M., Bobaljik J. On inherent and dependent theories of ergative case. *The Oxford handbook of ergativity*. Coon J., Massam D., Travis L. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 2017. Pp. 111—134.
- Baker, Kramer 2014 — Baker M., Kramer R. Rethinking Amharic prepositions as case markers inserted at PF. *Lingua*. 2014. Vol. 145. Pp. 141—172.
- Baker, McCloskey 2007 — Baker M., McCloskey J. On the relationship of typology to theoretical syntax. *Linguistic Typology*. 2007. Vol. 11. Pp. 285—296.
- Baker, Vinokurova 2010 — Baker M., Vinokurova N. Two modalities of case assignment: Case in Sakha. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. No. 3. Pp. 593—642.
- Bittner, Hale 1996 — Bittner M., Hale K. The structural determination of case and agreement. *Linguistic Inquiry*. 1996. Vol. 27. Pp. 1—68.
- Bobaljik 2008 — Bobaljik J. Where's phi? Agreement as a postsyntactic operation. *Phi-Theory: Phi features across interfaces and modules*. Harbour D., Adger D., Béjar S. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 295—328.
- Butt 2006 — Butt M. *Theories of case*. (Cambridge Textbooks in Linguistics.) Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2000. Pp. 89—155.
- Chomsky 2001 — Chomsky N. Derivation by phase. *Ken Hale: A life in language*. Kenstowicz M. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 2001. Pp. 1—52.

- Comrie 1976 — Comrie B. The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergences. *The grammar of causative constructions*. Shibatani M. (ed.). (Syntax and Semantics 6.) New York: Academic Press, 1976. Pp. 261—312.
- Comrie 1978 — Comrie B. Ergativity. *Syntactic typology*. Lehmann W. (ed.). Austin: Univ. of Texas Press, 1978. Pp. 329—394.
- Comrie 1981 — Comrie B. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981.
- Coon 2013 — Coon J. TAM split ergativity (parts 1—2). *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. No. 3. Pp. 171—200.
- Coon, Preminger 2017 — Coon J., Preminger O. Split ergativity is not about ergativity. *The Oxford handbook of ergativity*. Coon J., Massam D., Travis L. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 2017. Pp. 226—252.
- Daniel et al. 2012 — Daniel M., Maisak T., Merdanova S. Causatives in Agul. *Argument structure and grammatical relations: A crosslinguistic typology*. Suihkonen P., Comrie B., Solovyev V. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 55—114.
- DeLancey 1981 — DeLancey S. An interpretation of split ergativity and related patterns. *Language*. 1981. Vol. 57. No. 3. Pp. 626—657.
- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity. *Language*. 1979. Vol. 55. Pp. 59—138.
- Dryer, Haspelmath (eds.) 2013 — Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available online at: <http://wals.info>; accessed on 25.11.2016.
- Ganenkov, Maisak 2016 — Ganenkov D., Maisak T. Valency issues in Northeast-Caucasian. Paper presented at the International conference «Valency and Valency Change in the Caucasus», HSE/Institute of Linguistics (RAS), 28—30 November, 2016.
- Gulya 1966 — Gulya J. *Eastern Ostyak chrestomathy*. Bloomington (IN): Univ. of Indiana Press, 1966.
- Harley 1995 — Harley H. *Subjects, events, and Licensing*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1995.
- Harley 2008 — Harley H. On the causative construction. *Oxford handbook of Japanese linguistics*. Miyagawa Sh., Saito M. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 20—53.
- Jahnsson 1871 — Jahnsson A. W. *Finska språkets satslära. För skolornas behof*. Helsingfors: Utgivarens förlag, 1871.
- Kayne 2000 — Kayne R. *Parameters and universals*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Kiparsky 2001 — Kiparsky P. Structural case in Finnish. *Lingua*. 2001. Vol. 111. Pp. 315—376.
- Kornfilt 2013 — Kornfilt J. Nominative as no case at all: An argument from raising-to-accusative in Sakha. Paper presented at the 9th Workshop on Altaic formal linguistics (WAFL9), August 23—25, 2013, Cornell University, Ithaca, NY.
- Kornfilt, Preminger 2015 — Kornfilt J., Preminger O. Nominative as no case at all: An argument from raising-to-accusative in Sakha. *Proceedings of the 9th Workshop on Altaic formal linguistics (WAFL9)*. Joseph A., Predolac E. (eds.). (MIT Working Papers in Linguistics 76.) Cambridge (MA): MIT Press, 2015. Pp. 109—120.
- Laka 2006 — Laka I. Deriving split ergativity in the progressive: The case of Basque. *Ergativity: Emerging issues*. Johns A., Massam D., Ndayiragije J. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 2006. Pp. 173—196.
- Lander 2009 — Lander Yu. Varieties of genitive. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 581—592.
- Lebeaux 1988 — Lebeaux D. Language acquisition and the form of the grammar. PhD dissertation. Amherst (MA): Univ. of Massachusetts, 1988.
- Lefebvre, Muysken 1988 — Lefebvre C., Muysken P. *Mixed categories: Nominalizations in Quechua*. Dordrecht: Kluwer, 1988.
- Levin 2014 — Levin Th. Korean nominative case-stacking: A configurational account. *Japanese / Korean Linguistics*. Vol. 22. Giriko M., Nagaya N., Takemura A., Vance T. J. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2014. Available at: <https://dl.dropboxusercontent.com/u/62481330/JK22%20Proceedings%20%28prepub%29.pdf>; accessed 19.02.2017.
- Levin, Preminger 2015 — Levin Th., Preminger O. Case in Sakha: Are two modalities really necessary? *Natural Language and Linguistic Theory*. 2015. Vol. 33. No. 1. Pp. 231—250.
- Longobardi 2005 — Longobardi G. A minimalist program for parametric linguistics? *Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk*. Broekhuis H. et al. (eds.). New York: De Gruyter Mouton, 2005. Pp. 407—414.
- Lyutikova 2015 — Lyutikova E. Tsakhur as a case-stacking language. *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. Arkadiev P., Kapitonov I.,

- Lander Yu., Rakhilina E., Tatevosov S. (eds.). Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2015. Pp. 297—312.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 60. No. 3. Pp. 289—325.
- Mahajan 1990 — Mahajan A. *The A/A' distinction and movement theory*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1990.
- Malchukov, Spencer (eds.) 2008 — Malchukov A., Spencer A. (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Marantz 1991 — Marantz A. Case and licensing. *Eastern states conference on linguistics*. Westphal G., Ao B., Chae H.-R. (eds.). Ithaca (NY): CLC Publications, 1991. Pp. 234—253.
- Massam 2001 — Massam D. Pseudo noun incorporation in Niuean. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2001. Vol. 19. No. 1. Pp. 153—197.
- Massam 2009 — Massam D. Noun incorporation: Essentials and extensions. *Language and Linguistics Compass*. 2009. Vol. 3. No. 4. Pp. 1076—1096.
- McFadden 2004 — McFadden Th. *The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface*. PhD dissertation. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2004.
- Miyagawa 2012 — Miyagawa Sh. Blocking and causatives: Unexpected competition across derivations. *Case, argument structure, and word order*. London: Routledge, 2012. Pp. 202—223.
- Moravcsik 1974 — Moravcsik E. Object-verb agreement. *Working Papers on Language Universals*. 1974. Vol. 15. Pp. 25—140.
- Moravcsik 1978 — Moravcsik E. Agreement. *Universals of human language IV: Syntax*. Greenberg J. (ed.). Stanford (CA): Stanford Univ. Press, 1978. Pp. 331—374.
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. *Ostyak*. (Languages of the World/Materials 305.) München: Lincom Europa, 1999.
- Pesetsky 1989 — Pesetsky D. *Language-particular processes and the Earliness principle*. Ms. Cambridge (MA): MIT, 1989.
- Pesetsky 2003 — Pesetsky D. Principles & Parameters Theory. *Oxford International Encyclopedia of Linguistics*. 2nd ed. Frawley W. J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. Pp. 403—405.
- Pesetsky, Torrego 2011 — Pesetsky D., Torrego E. Case. *The Oxford handbook of linguistic minimalism*. Boeckx C. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. Pp. 52—72.
- Polinsky 2015 — Polinsky M. *Tsez syntax: A description*. Ms. Cambridge (MA): Harvard Univ., 2015.
- Polinsky 2016 — Polinsky M. Agreement in Archi from a minimalist perspective. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Bond O., Corbett G., Chumakina M., Brown D. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. Pp. 184—232.
- Preminger 2011 — Preminger O. *Agreement as a fallible operation*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 2011.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. *Verb meaning and the lexicon: A first-phase syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Rizzi 1997 — Rizzi L. The fine structure of the left periphery. *Elements of grammar*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997. Pp. 281—337.
- Roberts, Holmberg 2010 — Roberts I., Holmberg A. Introduction: Parameters in minimalist theory. *Null Subjects: The structure of parametric variation*. Biberauer T., Holmberg A., Roberts I., Sheehan M. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. Pp. 1—57.
- Saito 1992 — Saito M. Long distance scrambling in Japanese. *Journal of East Asian Linguistics*. 1992. Vol. 1. Pp. 69—118.
- Travis 2000 — Travis L. Event structure in syntax. *Events as grammatical objects: The converging perspectives of lexical semantics and syntax*. Tenny C., Pustejovsky J. (eds.). Stanford (CA): CSLI Publications, 2000. Pp. 145—185.
- Travis 2005 — Travis L. Articulated VPs and the computation of Aktionsart. *Syntax, semantics and acquisition of aspect*. Kempchinsky P., Slabakova R. (eds.). Dordrecht: Springer, 2005. Pp. 69—94.
- Woolford 2006 — Woolford E. Lexical case, inherent case, and argument structure. *Linguistic Inquiry*. 2006. Vol. 37. Pp. 111—130.
- Yip et al. 1987 — Yip M., Maling J., Jackendoff R. Case in tiers. *Language*. 1987. Vol. 63. Pp. 217—250.